

Сергей Кузнецов

**Шкурка
бабочки**

Издательские
решения

Сергей Юрьевич Кузнецов

Шкурка бабочки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7413163

Аннотация

«Когда-то я мечтал быть рок-звездой. Стоять на сцене, залитой кровью, как Игги Поп или Ник Рок-н-Ролл. Моя мечта сбылась. Я стал серийным убийцей». Интернет-газета рассказывает о преступлениях маньяка-убийцы. Амбициозная журналистка, склонная к мазохизму, ищет экстремального секса. Маньяк убивает снова и снова. Эти двое искали друг друга всю жизнь. Там, где они встретятся, останется лишь пустота и боль. А боль не знает лжи. «Я бы хотел написать книгу, где красота природы и красота смерти слились бы воедино. Эта книга была бы ложью – потому что, когда убиваешь, не думаешь о временах года. Убивая, ты просто убиваешь. И внутри у тебя – только ужас. Ужас и возбуждение». Если я услышу слово «любовь» – я тебя ударю.

Содержание

От автора	5
1	6
2	8
3	10
4	16
5	19
6	21
7	25
8	27
9	32
10	36
11	39
12	44
13	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Кузнецов

Шкурка бабочки

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иллюстрация на обложке © agsandrew – Fotolia.com

От автора

Я хотел посвятить эту книгу двум моим друзьям. Они отказались ее читать и выразили пожелание, чтобы их имена никак не были с ней связаны. Поэтому я посвящаю роман моей жене Кате: она не имеет к этой истории ни малейшего отношения, однако ее любовь помогает мне выживать в этом прекрасном мире.

Горела Жанна, с людьми говорила: «Видите, я платье сняла, голову побрила. Видите: я ничего не скрываю, кожу как второе платье срываю. Трогайте мясо, перебирайте вены, на всё осталось мгновенье».

Александр Анашевич

1

Тебе десять лет, может быть, меньше. Ты едешь в метро вместе с мамой, смотришь вперед сквозь прозрачные двери вагонов. Ты вдруг замечаешь: там, далеко впереди, что-то случилось: люди в непонятном испуге вскакивают и бегут против хода поезда, словно спасаясь, бегут, пока не упрутся в запертые межвагонные двери – и дергают ручку, дергают, дергают... но вот уже лица их искажаются, паника сдувает привычные черты, как ветер сгоняет рябь с поверхности пруда. Что-то невидимое приближается, безымянное, бесформенное, страшнее смерти, невыносимее кошмара. То, о чем они знали всю жизнь – и всю жизнь пытались забыть.

И вот головные вагоны медленно входят в прозрачную стену сгустившегося ужаса, а ты не можешь больше смотреть на лица, распластавшиеся по стеклу, на рты, раскрытые в немом крике, на глаза, вылетающие из орбит, – и переводишь взгляд на пассажиров еще нетронутых ужасом, сидящих в соседних вагонах, и снова видишь, как легкая тень беспокойства сменяется паникой, как они вскакивают и бегут, бегут и бьются о запертые стеклянные двери... а невидимая стена все ближе и ближе, неотвратимо, как во сне. Но сам ты не покидаешь своего места, не ищешь материнской руки, а только с облегчением думаешь, что осталось совсем недолго.

Это только мои фантазии. Мне было лет десять, может быть, меньше, и я часто воображал себе эту картину. С возрастом, впрочем, все изменилось: уже не стена, а скорее, волна, волна далекого холодного моря, ледящего кровь, волна, что катилась по поезду от головы до последнего вагона. Но теперь никто не вскакивал с мест, все сидели, пока дрожь не сминала лицо, словно рука – использованный бумажный платок.

Да уж, я был мальчиком с богатым воображением. Повзрослев, я стал рассказывать, что в детстве верил: в метро есть место, где тонким слоем ужаса в тоннель просачивается ад – и поезда проезжают сквозь него так быстро, что лишь особо чувствительные люди успевают заметить. При словах «особо чувствительные» я смотрел на девушек со значением; иногда это срабатывало.

Теперь я знаю – чувствительность тут ни при чем. Это мой персональный ад, мой личный ужас, мой концентрированный ночной кошмар. Пассажиры о нем не догадаются, ничто не исказит лиц, ни один волос не шевельнется. Только я замечаю следы, только я чувствую приближение, только мне внятны язык вещей и предметов, тщетно предупреждающих меня о приближении.

Волоски на шерстяных шарфах поднимаются дыбом, кожаные пальто покрываются мелкими трещинами, перья лезут из пуховиков, словно пытаюсь убежать, чулки плотнее прижимаются к ногам, краски рекламных плакатов теряют цвет, стекла вагонов вот-вот стукнут на сиденья, поручни съезживаются под рукой, двери кричат от ужаса. Все замирает, словно выключили время, стихает грохот колес, и вдруг ты слышишь, о чем говорят две девочки у закрытых дверей. Одна маленькая, худенькая, с черными растрепанными волосами, другая – длинноногая, стройная, светловолосая. Еще минуту назад они смеялись, пихали друг дружку, обсуждали, на что потратят свои первые деньги, а теперь их лица постарели на десять лет, и ты слышишь, как светловолосая говорит: «Я не могу поверить, ее нет больше» и вытирает глаза платком, скомканным, как твое лицо, а маленькая берет ее за руку и отвечает: «А я все никак не могу заплакать». И вот уже звуки становятся глуше, по краям зрения пространство сворачивается, как старые обои на сырой стене, в глазах темнеет, словно весь мир скрывается за крутящимися черными спиралями: набегают, настигают, накатывают. Трудно дышать, тело теряет очертания, превращается в черный кокон, отчаяние и безнадежность сгущаются: протяни руку – и прикоснешься.

Старый детский ужас? Нет, не ужас – тоска, концентрированная тоска, удушье, неумолчный шум в ушах, ток собственной крови, тьма, тьма, темное облако виснет на складках одежды, цепляется за выпуклости лица, за прилипшие ко лбу волосы, за обкусанные пальцы.

Этот кокон, это облако ты несешь с собой, выходя из метро. Ты будешь разговаривать, обсуждать дела, принимать решения, вести деловую переписку. Ты будешь флиртовать с девушками, играть со своими детьми, улыбаться знакомым, пытаться жить, как всегда. Но в такие дни, протянув руку, ты можешь коснуться предела ада: страдание сочится из открытых дверей, стекает по стенам домов, бутылочным стеклом хрустит под ногами; каждый жест причиняет боль, каждое прикосновение отзывается судорогой, твоя кожа растворяется, остается только голая, кровоточащая плоть, едва прикрытая серым облаком тоски.

Мне очень трудно в такие дни. Чтобы хоть как-то справиться, я начинаю вспоминать женщин, которых убил.

2

Пиликающий электрический сигнал. Не металлический раскат, не перезвон колокольчика – искусственная трель микрочипа. Звонит будильник, купленный в «Икее», детский будильник, разноцветный, плюшевый, с большим циферблатом, желтыми стрелками. Из-под одеяла – рука, худая рука с серебряным колечком на указательном, с едва различимым шрамом чуть выше локтя. Ладонка прихлопывает синюю бархатистую пимпочку, звон затихает, рука исчезает.

Тебе не хочется открывать глаза, не хочется просыпаться. Как сквозь полуприкрытые веки мы видим угол подушки, прядь волос, край одеяла. Спать, укрывшись с головой, спать, запеленав себя потуже, спрятавшись, укрывшись, словно в коконе, спать только так, всегда, с самого детства.

– Доброе утро!

Кому ты сказала «доброе утро!» глуховатым спросонья голосом? В комнате никого нет. Желтый – под цвет стрелкам часов – солнечный зайчик на разноцветном килиме у кровати, матовый, ничего не отражающий экран раскрытого ноутбука, меховой розовый заяц, притаившийся между стенкой и твоим телом. Доброе утро, словно пытаешься сама себя разбудить. В самом деле, доброе утро, Ксения.

Да, тебя зовут Ксения, ты живешь в съемной квартире, 250 долларов в месяц, дешево, по знакомству. Это примерно треть твоего заработка, всё как на Западе, всё как у взрослых. Ты совсем взрослая, тебе 23 года, ты работаешь в отделе новостей интернет-газеты «Вечер.ру». Ви-и-си-эйч-и-ар точка ру, не очень известная газета, второго эшелона, вы, может быть, не слышали, но новости у нас хорошие.

За окном – дождь, на дворе – декабрь, серое небо, ни единой снежинки. Солнечные зайчики только померещились со сна. Вдень ноги в мохнатые тапки, возьми с кресла белый халат, ткни пальцем в кнопку Play, сделай погромче. «Готан-квартет» играет ремикс Гато Барбьери. Так начинается утро.

По дороге в ванную ты не можешь удержаться, смотришь почту. Пять писем, четыре спама, два из них предлагают увеличить член и грудь. Не надо ни того, ни другого – члена у тебя нет, грудь хороша своя.

Как ты выглядишь? Худая, невысокая, с растрепанными черными волосами, припухшими спросонья губами, большими глазами, что никак не откроются с утра. Ты смотришь пятое письмо. Ага, от твоей подруги Оли, вот и хорошо, что не по работе. Впрочем, откуда бы по работе, ты легла в три, встала в восемь – в это время все спят, никто не пишет рабочих писем.

Ты проходишь в ванную, включаешь душ, замираешь перед зеркалом, пытаешься собрать в голове сегодняшний день. Значит, что нас ждет? Рабочая текучка с утра пораньше, потом – поговорить с Пашей про деньги, ланч в «Кофе Хаузе», мамин день рождения, просила быть к семи и не опаздывать. Вздыхая, сбрасываешь халат, смотришь в зеркало, уже покрытое капельками ванной росы: здесь влажно, парко и тепло, ты так любишь.

Кровоподтеки на груди и на плечах почти не видны, а вот бедра – охо-хо-хо. Да и шрамы на ягодицах отзываются на обжигающую воду. Да, ты любишь, чтобы тело надолго запомнило любовные свидания. Ты любишь, когда тебе делают больно. У тебя дома небольшой склад разных забавных вещиц, черных кожаных игрушек, хлыстов, кляпов, зажимов для сосков. В хорошие дни ты не видишь ничего необычного в своих пристрастиях. Ты думаешь об этом примерно так: иногда я хожу танцевать буги-вуги в клуб на Кропоткинской, иногда – прошу меня бить и делать мне больно. Что секс, что танцы: главное – хороший партнер. Так ты думаешь в хорошие дни, а в плохие дни вспоминаешь, что секс – не танцы, и чело-

веку с твоими вкусами нелегко найти достойного партнера. Нелегко, но ты как-то справляешься. Более или менее.

Плохо справляешься, если честно. С последним любовником ты рассталась неделю назад, теперь между вами все кончено – и потому кожа саднит не сладкой болью наслаждения, а тянущая болью разлуки.

Ты выключаешь душ, растираешь себя полотенцем, ссадины ноют. Улыбаясь, проходишь на кухню, ставишь чайник. Музыка из комнаты почти не слышна. Строишь на часы: ты еще успеешь выпить кофе.

Вот так начинается день. За окном бесцветное солнце в разрыве декабрьских туч. С добрым утром, милая Ксения. Не забудь одеться потеплее, сегодня сильный ветер. Не забудь взять подарок для мамы, мобильный, деньги, документы, проездной. Не забудь – сегодня много дел. Береги себя, милая Ксения, береги себя. Ах да, и еще ключи. Тоже не забудь, пожалуйста.

3

Значит так. Жила-была девочка, с мамой и папой, ходила в детский сад, потом в школу, танцевала, смеялась, никогда не плакала. Мама-папа развелись, школа закончилась, девочка пошла на работу и вот через шесть лет уже сидит в офисной клетушке, сильные пальцы бьют по клавишам, растрепанные волосы кое-как удерживает заколка, накрашенные губы сосредоточенно сжаты, в голосе – ни следа утренней расслабленности.

– Ксения, мы даем новость про Березовского на морду или он уже всех задрал?

– Это его задрали, а не он. А что у нас есть, кроме Березы?

– Сейчас гляну.

Это – обычный день. Большая начальница маленького дома. Одно название – главный редактор отдела новостей, подчиненных – кот наплакал, три человека плюс внештатники. Правда все – старше на несколько лет, некоторые даже – со специальным журналистским образованием. Считают себя профессионалами, блин. Акулы пера, шакалы клавиатуры, халаявщики компьютерной мыши. В свое время пришлось поругаться, это да, но теперь всех построила, работают в полную силу.

Алексей с соседнего стола спрашивает по аське: «ты как?», отвечает: «ок», и тут же вслед: «интервью когда будет?» «Сейчас пишу», да, в самом деле – сидит в наушниках, расшифровывает.

Ежедневная работа неизбежно становится рутинной: посмотреть, чтобы выбрали нужные новости, исправить ошибки, отругать девочек-переводчиц, понять, у кого сегодня брать комментарий. Пару раз в неделю получается хороший материал, которым гордишься, за который не стыдно. Но, впрочем, за то, что выходит каждый день, тоже не стыдно, хотя и гордиться особо нечем, разве что удачным началом карьеры: все-таки двадцать три года, а уже главный редактор отдела. Начальница. Смешно.

Ксения любит свою работу. Ей нравится копаться в новостях, а еще больше нравится координировать, управлять, контролировать. Через несколько лет она будет хорошим менеджером, хотя еще неясно, где. Может, станет настоящим главным редактором, может, подастся в бумажную журналистику, если Путин не приберет все газеты к рукам, как уже прибрал телеканалы. А может, займется чистым IT-бизнесом. IT означает Information Technologies, и добавляется ко всему, что связано с Интернетом. В Америке любят добавлять букву «е» от слова electronic, но по-русски эту букву не всегда удобно прибавлять. К слову «бизнес», например, вовсе невозможно. Так что очень хорошо, что есть сокращение «ай-ти», а то как бы хорошие московские девочки объясняли родителям, каким таким бизнесом занимаются?

Ксения любит свою работу. Ей приятно чувствовать себя уверенной, успешной, успевающей. Ей нравится, что все можно делать одновременно: редактировать интервью, говорить по аське, просматривать новости. К двенадцати первую порцию материалов выложат в сеть, и тогда можно будет сходить в кафетерий с Алексеем, прочитать у Вернера свежий анекдот, зайти к Паше и поговорить про деньги.

Паша Сильверман, непосредственный начальник Ксении, главный редактор и основатель газеты «Вечер.ру», до тридцати семи лет совсем не интересовался журналистикой.

В конце восьмидесятых он перебрался из Грозного в Москву – и вовремя: сначала в городе не осталось русских, потом – чеченцев, а после исчез и сам город. К середине девяностых Паша плотно занимался рекламой, но в момент очередного передела рынка его выкинули с телевидения и наружки, так что к началу нового десятилетия от бывшего великолепия осталось только интернет-агентство, поднявшееся на волне инвестиционного бума 2000 года.

Когда Паша пришел в Интернет, основной рекламной единицей были баннеры, прямоугольные картинки – сверху, снизу или сбоку интернет-страниц. Картинка интригует – человек кликает мышкой на баннер и попадает на рекламируемый сайт. Вот, собственно, и вся хитрость. Можно брать деньги за людей, которые увидят баннер (это называлось «за показы») и за людей, которые на баннер нажмут («за клики»). С тех пор появились квадратные баннеры, всплывающие баннеры-окошки, флэш-баннеры и много других прекрасных технических новинок – но общий принцип не менялся. Технологии позволяли показать рекламу нужному зрителю на нужном сайте – это называлось словом «таргетинг», – но, так или иначе, Паша делал деньги на том, что люди на своих мониторах смотрели маленькие картинки, а иногда зачем-то на них кликали.

Паша всегда считал, что торговля рекламой – торговля мнимостью. Это его не пугало: еще много лет назад ему объяснили, что мнимые числа, квадратные корни из отрицательных величин, столь же важны в математике, как числа обычные. Торговля рекламой в виртуальном пространстве была мнимостью вдвойне – и как несуществующее на привычной числовой оси число i позволяло решать уравнения и строить графики, эфемерная баннерная реклама позволяла Паше укреплять свой бизнес и помогать другим строить свой. Паше нравилось думать, что он работает с мнимостями – возможно, потому, что от города, где прошло его детство, не осталось камня на камне.

Пару лет назад логика развития бизнеса подтолкнула Пашу к мысли, что хорошо бы не только торговать показами на чужих сайтах, но иметь какую-нибудь площадку, где можно откручивать свои баннеры. Он решил сделать газету, предполагая заодно иногда публиковать *джинсу*, заказные статьи, – тем более, что приближалось время освоения предвыборных бюджетов, немного уменьшившихся с девяностых годов, но все еще соблазнительных.

Как рекламщик Паша был уверен, что для большой посещаемости – *высокого трафика* – достаточно правильной кампании по раскрутке. Через полгода он увидел, что онлайн-газета – не стиральный порошок и не новая модель сотового телефона. Конкуренция среди интернет-СМИ была достаточно велика, и Паша уволил почти всех сотрудников редакции, набрав взамен новых. Среди них была Ксения – и сегодня Паша знает: именно ее энергии и таланту он обязан тем, что многие ходят читать новости на его сайт, пусть даже «Лента.ру» дает куда больший охват материала.

У Ксении есть чувство стиля: любой информационный повод она превращает в увлекательную историю, экономические новости оборачиваются рассказом о самых насущных вещах, а комментарии экспертов звучат откровением, ниспосланным свыше. За последний год Паша дважды повышал ей зарплату – но сейчас, увидев, как она, закинув ногу на ногу, усаживается в кресло, он уже сожалеет, что в свое время позволил себя уломать. Больше ни копейки не дам, говорит он себе и дружелюбно улыбается:

– Как у нас дела, Ксеничка?

– Спасибо, хорошо, – отвечает она.

Растрепанные волосы, властные губы, сильные худые руки охватывают колени. Она не любит Пашиного «Ксеничка», для всех она – Ксения, даже для любовников. Никому, кроме Оли, не позволяет называть себя детским именем «Ксюша». Только Оля умеет произносить «Ксюша» так, что это имя не напоминает об Алене Апиной, юбочке из плюше, пятом классе, детских дразнилках.

Но Паша всех зовет уменьшительными именами, вот и ее уговорил на Ксеничку – уговорил, уломал, умастил, сказал, что готов называть ее хоть Ксенией Рудольфовной, но очень, очень просит разрешить иногда говорить «Ксеничка», потому что иначе не сможет нормально работать, я уже не молодой человек, мне поздно переучиваться. Ксения согласилась, и, конечно, теперь он звал ее только «Ксеничкой», а она с тех пор не раз наблюдала, как на деловых переговорах Паша раз за разом вымогал выгодные условия, всячески подчерки-

вая, что не имеет на них никакого права и просит только как о личном одолжении. Наверное, если бы со своим делом Паша не справлялся, это бы не срабатывало – но в том, что касалось пиар-поддержки и рекламной раскрутки ему не было равных – и клиенты уступали.

– Как у нас дела, Ксеничка?

– Спасибо, хорошо.

– Хорошо? – повторяет Паша и поворачивает монитор к Ксении. – Ну-ка посмотрим на наш рейтинг. Вот, значит, Рамблер – и на каком мы месте?

Расчерченный голубыми полосками экран. Рейтинг «Рамблер Топ100» – главный рейтинг Рунета, негласный табель о рангах, форма независимого аудита. Почти на всех сайтах в русской сети установлены его счетчики, замеряющие трафик, ту самую посещаемость. Раз в полчаса на основании новых данных Рамблер генерирует рейтинг сайтов по полусотне тематических категорий. К кому больше ходят – тот и выше. Конечно, все знают, что этот рейтинг тоже можно накрутить, но все равно: на него ориентируются рекламодатели, а мелкие инвесторы решают, хорошо ли работают их деньги.

Сейчас жидкокристаллический экран Пашиного монитора показывает раздел «СМИ и периодика». За первые места как всегда борются «Лента» и «Newsru», «Вечер» притулился где-то во второй десятке.

– Что ты хочешь, Паша, – говорит Ксения, – это результат твоей экономии. Ты сам знаешь: в рамках существующего бюджета я делаю невозможное.

Лицо ее становится еще упрямее, губы сердито сжимаются.

– Ксеничка, милая, – отвечает Паша, присаживаясь на край стола, – разве же это называется «экономить»? Вот посмотри, я тебе за этот год дважды увеличивал зарплату. Да, первый раз я при этом сделал тебя начальницей вместо Лены, но второй раз я просто отметил заслуги, не более того. Но скажи мне, стала ли ты после этого лучше работать? Или, точнее, станешь ли ты работать лучше, если я добавлю тебе еще 200 долларов?

– Если я отвечу «да», – говорит Ксения, – ты скажешь, что я недостаточно выкладываюсь и мне не за что повышать зарплату. Если же отвечу «нет»...

– ... то тем более ее не повышу, – кивает Паша. – Ты же сама все поняла. У каждого сотрудника существует естественный предел: и тут как ни увеличивай деньги, большего не добьешься. Вот если бы ты придумала какой-нибудь необычный проект – рекламный проект, траффиогенерящий проект! – я бы дал ему отдельный бюджет. И часть этого бюджета пошла бы, конечно, тебе надбавкой. А так – извини, но денег я не дам.

– А какого типа проект ты хочешь получить? – спрашивает Ксения и улыбается.

– Не знаю, – пожимает плечами Паша, – что-нибудь, что ложилось бы в концепцию нашего издания и, вместе с тем, привлекало бы читателя. И не было бы похоже на то, что есть у наших друзей из других интернет-СМИ.

Понятно, кивает Ксения, типичное «принеси то, не знаю что».

– Буду думать, – говорит она, поднимаясь.

– Ты тоже меня пойми, – примирительно говорит Паша. – Денег у меня немного, предвыборная реклама не оправдала надежд... ну, то есть, не полностью оправдала.

– Сочувствую, – отвечает Ксения мрачно, и Паша на секунду вспоминает, что бесовестно врет: дела идут хорошо, денег много, но это не повод раздать их сотрудникам. Потому что если человек работает за 750 долларов, незачем платить ему тысячу. По крайней мере – до тех пор, пока его не начнут перекупать. И потому перед каждым разговором о прибавке Паша говорит сам себе «денег нет, денег нет, денег нет» до тех пор, пока не начинает в это верить, – и тогда уж повторяет эти слова с чистой совестью. В том мнимом мире, где он живет, иначе нельзя.

Обо всем этом Ксения только догадывается. Но все же она возвращается к своему столу вполне довольная: в конце концов, теперь она знает, что делать. Остается придумать какой-нибудь проект – и снова зайти к Паше, начиная беседу со слов: «Помнишь, ты мне обещал...»

Она не обижается на явную ложь про предвыборные деньги: в глубине души Ксения подозревает, что сама, когда будет на месте Паши, поведет себя так же. Ей нравится наблюдать за шефом: он неглуп, и у него есть чему поучиться. Коллеги иногда ворчат: мол, Паша всех задрал своим жмотством. Он ли задрал, его ли задрали, а что у нас есть, кроме Паши? – говорит она сама себе. Хороший начальник, компанейский без панибратства и дружелюбный без харрасмента.

До того, как прийти в Пашин «Вечер.ру», Ксения работала журналисткой в интернет-отделе московского филиала западного издательского дома. Почти все сотрудники были местными, но в офисе все равно царил гипертрофированный дух американской политкорректности: строгий дресс-код, никаких шуток на сексуальные темы, никакого флирта. Подруга Маринка, заходившая иногда, шутила, что от здешнего позитивно-доброжелательного тона чай в пластиковых стаканах вот-вот замерзнет, но Ксении поначалу даже нравилась эта атмосфера. Приходя на работу с зудящими после зажимов сосками и свежими ссадинами на бедрах, она умиротворенно думала, улыбалась про себя, что сослуживцы шарахались бы от нее, если б знали, как она проводит ночи. Ей светила хорошая карьера, был шанс перейти из интернет-отдела в рекламный отдел, и Ксения уже обдумывала этот вариант: с девятнадцати лет, когда она почти случайно попала ассистенткой в одну из лабораторий ЦЭМИ, она постоянно крутилась в Сети, и ей иногда казалось, что настоящая жизнь и настоящий бизнес – не здесь, а в *реальном мире*. Все, впрочем, кончилось неожиданно быстро, на выездной предрождественской вечеринке.

Арендовали подмосковный пансионат, кто-то думал вернуться в Москву, но большинство собирались заночевать. В банкетном зале накрыли стол, Большой Босс сказал на неплохом русском тост, местный ди-джей врубил стробоскоп, заиграл евро-поп – и через час, глядя на лихо отплясывающих коллег, Ксения уже вспоминала школьные дискотеки. Она любила танцевать и умела это делать, но слащавая умца-умца ее не вдохновляла. Когда она была чуть моложе, она приносила любимые CD с собой, – но сейчас не тот случай. Она жалась к стенке, перемолвилась парой слов с Лизой из отдела маркетинга, одетой в непривычно короткую юбку и уже немного пьяной, а потом пошла к столу, чтобы налить себе морсу. Когда нагнулась, чья-то рука слегка сжала ее ягодицу. Два пальца прились ровно на свежий след, длинную, иссиня-черную диагональную полосу, но это было даже неважно – прежде чем Ксения успела понять, что делает, она развернулась и ударила.

Когда пятнадцать лет назад карате вышло из подполья, родители сразу отдали ее брата Леву в секцию. Лева, отрабатывая удары на младшей сестре, пытался научить ее паре-тройке ката и маваша. Ксения была плохой ученицей и думала, что за прошедшие годы все позабыла, но память тела оказалась сильнее: удар получился на славу.

Что-то хлопнуло под костяшками Ксениных пальцев, и она с недоумением увидела, как расплывается кровь на белой рубашке замглавного, румяного тридцатипятилетнего Димы. Когда-то он начинал комсомольским бизнесменом, но слетел на крутом вираже девяностых в рядовые управленцы, то есть, говоря современным языком, в менеджеры. Сейчас – на подъеме: если не считать Большого Босса, Дима был третьим человеком во всем офисе. Казалось, удача снова улыбнулась ему, и, может быть, поэтому он не отошел в сторону, сделав вид, что ничего не произошло, а попытался ударить Ксению в ответ, и она, будто в замедленной съемке, увидела, как правая рука отбивает удар, а левая еще раз с размаха тыкается в изумленное, розовато-красное лицо.

Потом, голосуя на заснеженной трассе и потирая саднящие костяшки обкусанных пальцев, Ксения винила себя и думала: *интересно все-таки, сломала я ему нос или только*

разбила? Да, Лева бы за нее порадовался – но Ксении все равно было стыдно. Хорошие девочки не ведут себя так, да и плохие тоже не ведут. Возможно, он случайно ее задел, а она ударила не разобравшись? Ксении было обидно до слез – но она никогда не плакала. Придя домой, она позвонила своему тогдашнему любовнику, попросила приехать и жестче обычного: может быть, для того, чтобы капли крови заменили Ксении непролитые слезы.

После праздников она уволилась: даже не из-за давешнего чувства вины, и уж точно не потому, что боялась мести. В одночасье Дима перестал быть ее начальником. Дело не в домогательствах: просто Ксения не могла уважать мужчину, который пропустил два ее дилетантских удара подряд.

А вот в Паше она уверена: он не путает офис с постелью, но, случись что, перехватит ее руку. Или ударит сам.

Паша, впрочем, избегает прямых конфликтов. Он ничего не знает о Ксениных сексуальных предпочтениях, но хорошо понимает Ксению. Куда лучше, чем многие ее любовники.

Значит, так: вы были в большой компании малознакомых людей, каких-то Сашиных приятелей, на дне рождения его одноклассницы, он был в нее когда-то влюблен. Саша заехал к тебе домой, и перед тем, как отправиться в гости, вы занимались любовью – не подозревая, что в последний раз. На дне рождения заговорили о сексе, и ты, не в силах сдержаться, сказала, что любишь жесткий секс, собственно, BDSM, как не знаете, что значит? Ну, тут тройная расшифровка: BD – это Bondage/Discipline, DS, соответственно, – Domination/Submission, ну, а SM – садомазохизм, это и так понятно. В принципе, это разные вещи: одни любят связывание, другие – подчинение, третьи – боль как таковую, но иногда нравится все вместе, хотя я вот более или менее равнодушна к связыванию. Все как-то замолчали, будто смутившись, а Саша сказал *что-то вроде нам, ванильным людям, этого не понять. Вот уж не думал, что ты такая извращенка*. Ты сразу напряглась, хотя, конечно, это его право, если хочет, может и дальше сидеть в шкафу, как выражаются братья-пидоры, пусть изображает из себя приличного, *ванильного*, человека, если так стыдится перед своими друзьями. Ты встала и вышла на кухню, Саша пошел за тобой. *Стань на колени и возьми у меня в рот*, сказал он, и ты разозлилась. Ты никогда не обещала подчиняться ему где-либо, кроме спальни, никакого *24 на 7*, и, значит, вовсе не собиралась отсасывать у него на кухне прямо на дне рождения его одноклассницы, в которую он был когда-то влюблен, нежным мальчиком, еще не способным, вероятно, бить девушку стеклом так, что следы на ягодицах не заживают неделю. *Я не хочу*, сказала ты, а он, вспомнив ваши игры, попытался взять тебя за волосы и нагнуть голову, и тогда ты повторила, чувствуя, что начинаешь злиться все больше: *не надо*, а он сказал: *Если не сделаешь это прямо сейчас – между нами все кончено*. И тогда ты оттолкнула его и сказала: *Значит, все кончено*.

«Если не сделаешь это прямо сейчас – между нами все кончено». Вот это было последней каплей. Не публичная ванильность, не требование отсоса, нет, именно эти десять жалких слов решила все. Саша мог попытаться переломить тебя, все-таки поставить на колени (о, с какой радостью ты бы тогда у него отсосала!) или пластично отступить, сделав вид, что это была только шутка. Вы бы забыли об этом и в следующий раз у тебя дома ты опять была бы послушной рабыней, но эти слова – *если не сделаешь это прямо сейчас* – эти слова означали, что ему не хватает воли быть настоящим Господином, и не хватает мудрости, чтобы это признать. Жалкий шантаж, стон маленького мальчика, говорящего маме: *Если не купишь мне паровозик – значит, ты меня не любишь*. Значит, не люблю, подумала ты, и это было самое страшное, ведь слова – и те, что он сказал, и те, что ты ответила – уже нельзя было забрать назад. Нельзя сделать вид, что их не было. Вечером ты выкинула его из аськи и внесла телефонный номер в черный список своей «Моторолы».

Москва – маленький город, вы неизбежно встретитесь снова – но уже никогда ты не будешь лежать перед ним на полу, со связанными над головой руками, закрыв глаза, чтобы не видеть, по какой груди придется следующий удар сложенным вдвое телефонным проводом.

4

Еще день, а машины уже впритирку. Дневная подвижная пробка. Большая Никитская – как река в ледоход. Ольга Крушевицкая, успешная бизнес-вумен, тридцати пяти лет, IT-менеджер, совладелица небольшого онлайн-магазина, маневрирует в своей «тойоте», ругается сквозь зубы. Едет пить кофе с подругой, повторяет про себя: «Вот, значит, как он сказал: *срать рядом не сяду*. Хлопнул дверью и вышел. А мне что делать? Нечего жаловаться – меня предупреждали: Оля, ты влипнешь, ты с ними намаешься, мало не покажется».

Три года назад Ольга сама пригласила в свой бизнес Гришу и Костю, Григория и Константина. Точнее, тогда бизнес еще не был ее: Ольга сидела наемным менеджером на зарплате и выторговала себе четверть от дела, лишь когда магазин выкупили у первых владельцев – они, кстати, получили втрое за каждый вложенный доллар. Вот так они поделились: от Гриши с Костей были деньги, а от нее – знание рынка, опыт работы, три года трудов. Но когда все только начиналось, в Интернет-бизнес-Клубе кто-то сказал: эти два медведя не уживутся в твоей берлоге.

Не уживутся в моей берлоге. Не сядут на одном поле. Заберут свои деньги – прости-прощай Олин бизнес. Волки. Медведи. Кормила три года, плотью и кровью, процентами с прибыли, верой и правдой, лестью и ложью. Знаете, Гриша, как мне приятно с вами работать. Верите, Костя, только на вас все и держится в нашем деле.

В нашем? Как бы не так: Оля всегда твердо считала дело только своим. Она его начала, сохраняла все эти годы, только у нее и было видение, понимание планов развития, предчувствие будущего. Но честно отрывала куски, кормила волков, стараясь забыть, куда велит им смотреть волчья природа. Целых три года она продержалась – а теперь и Гриша, и Костя убегают с общего поля, в родную глухую чащу искать на поживу себе красных шапочек – или кто им еще попадет.

Оля останавливается на светофоре, опускает зеркальце, смотрит на себя. Тридцатипятилетняя ухоженная женщина. Изящная рука лежит на руле, браслет с темными камнями на запястье. Преуспевающая бизнес-леди, совладелица и генеральный директор небольшого интернет-магазина. Нет, она совсем не похожа на Красную Шапочку, так просто ее не проглотишь. В этом лесу она тоже знает каждый куст – и не в домик к бабушке пойдет, а в пещеру дракона, посмотрим, кто из волков рискнет за ней следом.

Вот и первое чудо за сегодняшний паршивый день: серебристый «БМВ» отъезжает от поребрика как раз вовремя – и Оля паркует свою «тойоту». Выпрыгивает на тротуар, стараясь не наступить в грязную талую лужу, захлопывает черную заляпанную грязью дверь, нажимает кнопку на брелке и, уже входя в «Кофе Хауз», слышит тихое «пип» охранной системы. Значит, все хорошо. Сейчас постарается выбрать столик напротив окна и между делом будет смотреть – все ли нормально. Долго живешь одна – и привыкаешь к вещам: к ноутбуку, который давно бы пора поменять, к дареному браслету на запястье, к машине, которую надо продать – а жалко. Никому не сознаешься, только себе – чувствуешь внутреннее родство: шесть лет для машины – все равно что тридцать пять для женщины, еще на ходу, но с каждым годом падает в цене все больше. И потому ухаживаешь за ней, как за собственным телом, – техосмотр, свежее масло, би-пишный бензин, полная страховка. И вот результат: ухоженная, ни единой царапины, как новенькая.

Ксюша уже сидит за столиком, вертит в руках мобильный в китчевом ярко-розовом меховом футляре.

– Смотри, – говорит, – что я купила. Правда, прелесть?

Оля вежливо берет мобильный ухоженными руками, зарывает пальцы в розовый мех.

– Что-то он мне напоминает, – говорит она.

– Ага, – соглашается Ксюша, – моего зайца, помнишь, я тебе показывала?

Да, розового зайца. У каждой несостоявшейся Красной Шапочки должен быть свой розовый заяц: будет что отдать Серому Волку, когда он постучится в дверь избушки. Но вот у Оли нет плюшевых мохнатых игрушек, а на Sony-Ericsson P800 не наденешь чехол. Все, что у нее есть – пожилая «тойота», ухоженная, но уже обреченная.

– Я вот думаю, – говорит Ксюша, – если поженить мобильный и зайца, как будут выглядеть их дети?

– Ну, такие плюшевые механические устройства, – отвечает Оля, – вроде зайчиков с рекламы «Энерджайзера».

Девочки-зайчики прыгают по дремучим лесам русского бизнеса, вздрагивая от рыка серых волков, которые не могут быть на одном поле, а могут только – в одном лесу. Потому что в поле некого есть, а в лесу – розовые плюшевые звери, немолодые уже красные шапочки и зайцы, недостаточно мобильные, чтобы избежать волчьих зубов.

– Ты все путаешь, – говорит Ксюша. – Мобильный – это не механическое устройство, а коммуникационное. Скорее, это будут зайцы-телепаты.

– Был какой-то рассказ про зайцев-телепатов, – говорит Оля, – помнишь?

– Неа, – говорит Ксюша, – я не так много читала. В смысле – не так много, как ты.

Наверное, это даже хорошо – не читать так много, думает Оля. Она-то тридцать без малого лет сиднем сидела в пряничном домике домашней библиотеки, в воздушном замке Ленинградского университета. Наверное, это даже хорошо – не размениваться на книжки, не знать наизусть «Уранию» и «Часть речи», а сразу, не дожидаясь середины жизни, очутиться в сумрачном лесу. Очутиться – и даже не уметь распознать в предыдущей фразе скрытую цитату (хотя бы одну), зато бестрепетно встречать волков, барсов и львов – или кто там еще попадает на пути Данте и преуспевающих IT-менеджеров?

– Так что там было с зайцами-телепатами? – спрашивает Ксюша.

– Не помню, – отвечает Оля, – кажется, их всех съели еще до начала рассказа. До того, собственно, как выяснили, что они – телепаты.

– Пиф-паф, ой-йо-йой, – говорит Ксюша, – умирает зайчик мой, – и опрокидывает мобильный, словно его сразила пуля охотника.

Оля улыбается, и губы сводит воспоминание о двух волках, косо глядящих друг на друга из-за деревьев густого леса их общего бизнеса.

– Послушай, Ксюша, – говорит она, – мне нужна твоя помощь, поможешь?

Ксюша сразу становится серьезной – деловая женщина, IT-менеджер, редактор отдела новостей популярной онлайн-газеты, – ставит худые локти на стол, наклоняет голову – мол, я тебя слушаю, Оленька, давай, рассказывай, что там у тебя.

И Оля рассказывает.

Три года назад, на излете инвестиционного бума, две крупные интернет-компании решили вложиться в магазин, которым тогда занималась Оля. Они выкупили его у первых владельцев, дали Оле ее 25%, а сами поделили остальное. Две крупные компании? На самом деле – просто два инвестора, два человека, знавшие друг друга еще с досетевых времен. Костя и Гриша, Константин и Григорий. Друзья и соперники, конкуренты и соратники. Три года их яростные схватки не мешали бизнесу: он оставался общим, пока в декабре дележка предвыборных бюджетов не поссорила их по-крупному. И вот этим утром Григорий хлопнул дверью Олиного кабинета, крикнул «на одном поле срать на сяду». Маленький онлайн-магазин – довольно мелкий бизнес по масштабам Кости и Гриши – оказался тем самым козлом, которому вздумалось в неурочный час погулять в сумеречном дантовом лесу. Ситуация была трагической в самом буквальном смысле – Олино дело готовилось петь свою козлиную песнь, пав ритуальной жертвой в грызне двух недавних друзей.

Можно было еще раз повторить старый прием, привести нового крупного инвестора, чтобы он выкупил бизнес у Гриши и Кости. Таких людей не было в русском Интернете – но Оля знает, к кому обратиться. Если только в самом деле рискнуть обратиться к нему – потому что этот человек не нравится Оле. Он – пришелец из чужого и опасного мира, из оффлайн-нового, обыкновенного бизнеса, бизнеса, по сравнению с которым дремучий лес Кости и Гриши – всего лишь упорядоченный английский парк.

Все это Оля и объясняет сейчас Ксюше, объясняет, старательно избегая аллюзий на Данте, шуток про серого козлика и козлиную песнь – потому что не уверена, знает ли Ксюша, что такое козел отпущения, дионисийская жертва и рождение трагедии из духа музыки. Ксюша ведь не заканчивала питерского истфака, а сразу после школы эмансипированной Красной Шапочкой направилась по извилистой тропинке туда, где отродясь не было никакой бабушки, зато оставалась слабая надежда на свой кусок пирожка и долю в горшочке масла.

Она рассказывает, а Ксюша смотрит, как Оля машет рукой, как отливает на запястье браслет. Крупные темные камни, темные, как Олины глаза. Оля красиво взмахивает рукой, красиво затягивается из длинного мундштука, красиво говорит и даже вздыхает красиво. Если бы Ксюша могла влюбиться в женщину – обязательно влюбилась бы в Олю. Можно сказать, что она и влюбилась: на переговорах, почти год назад сразу сказала себе «Вау!», лишь увидела эту высокую женщину с ухоженными руками, короткими высветленными волосами и глубокими, темными глазами. Они обсуждали условия очередной рекламной кампании, а Ксения думала, что хочет когда-нибудь стать такой же. Может быть, просто понравилась Олина манера наклонять голову при разговоре, улыбаться уголками губ и плавно взмахивать рукой, отклоняя неприемлемое предложение. Даже манера курить сигарету, затягиваясь из длинного мундштука, не то старомодная, не то по-питерски провинциальная, нравилась Ксении. В тот первый раз они быстро покончили с делами и еще сорок минут говорили о всякой ерунде, сейчас уже не вспомнить о чем. Они сразу стали друг для друга «Оля» и «Ксюша», и встречаются теперь пару раз в неделю, и Ксюша радуется, что предчувствие не обмануло ее: это была дружба с первого взгляда.

– И вот, – говорит Оля и гасит в пепельнице сигарету, – я хочу тебя попросить: наведи мне про него справки, про этого человека. Я толком ничего о нем не знаю, а ты ведь журналистка, ты же должна уметь, правда?

5

Ксения идет по переходу метро, в плотной толпе людей, в тихом омуте, в бурлящей человеческой воде, в подземном отражении пробки московских улиц. Вместо отдающего бензином мороза Тверской – спертый воздух «Пушкинской», вместо табачной вони на переднем сиденье частника – запах пота в душном вагоне. Сэкономить пятнадцать, нет, двадцать минут; сохранить 200, нет, 150 рублей, приехать к семи, как и обещала, хотя бы раз не опоздать.

Никогда не опаздывала на деловые встречи и на свидания, но к маме почему-то никогда не успевала вовремя, с самого детства, когда час шла из школы, останавливаясь поболтать с Викой, потом – с Мариной, десять раз прощаясь на каждом углу и потом все-таки решала сделать крюк, вместе шла сперва до гаражей, потом до остановки. Дорога в школу занимала пятнадцать минут, обратно – час. В танцевальную студию надо было идти к трем, Ксения могла не особо спешить, но мама все равно нервничала, говорила, что с ума сойдет, мол, времена нынче не те, что раньше, теперь даже маленьких детей одних в школу не отпускают, не то что ее, десятилетнюю красавицу, отраду педофила, будущую лолиту, свет родительской жизни, огонь страшно подумать чьих чресел. Ксения отбрыкивалась, встречать запрещала, клялась, что будет приходить вовремя, но все равно опаздывала. Мама демонстративно пила отвар экологически чистой валерьянки из каких-то не то сибирских, не то уральских лесов, мама хваталась за сердце, мама говорила, что дочь совсем ее не любит. Ксения убеждала себя, что эти упреки и есть доказательство любви. Конечно, не ее любви к маме, а маминей любви к ней. Потому что если бы мама ее не любила – чего бы мама беспокоилась?

Лева был уже в одиннадцатом классе, считался совсем уже взрослым, даже в институт поступал в обстановке всеобщего одобрительного равнодушия: мол, кто бы сомневался, конечно, поступит. Ксения слышала, как Лева говорил по телефону не то подружке, не то приятелю: если бы не армия, ни за что бы поступать не стал, кому сейчас нужно образование, да и физикой заниматься вряд ли будет, денег никаких, разве что в Америку уехать. Потом, через много лет, Ксения удивлялась, насколько он заранее все знал: так оно и сбылось, даже вдвойне – и физикой не занимался, и в Америку уехал.

Всегда опаздывала из школы и только однажды, когда полкласса слегло с гриппом – в том числе Вика с Маринкой, – пришла вовремя – и столкнулась в подъезде со Славой (никогда, кстати, не хотел, чтобы называли «дядей» – просто Слава, и все), и тот как-то замялся, точно смутился, буркнул «привет» и поспешил к остановке. Вошла, крикнула «мама, я пришла!», сквозь приоткрытую дверь родительской спальни увидела взрыхленные простыни, сначала ничего не поняла, и тут мама вышла из ванной, халат на голое тело, слипшиеся волосы. «Что ты так рано? Могла бы в дверь позвонить хотя бы». Раньше никогда не просила Ксению звонить, с третьего класса у нее были свои ключи, и вот, стоя в коридоре, Ксения начала неудержимо краснеть, будто сделала что-то непозволительное, почти преступное. Зашептала «извини, мам, я не подумала» и пошла к себе, стараясь не оглядываться на скалившуюся дверь спальни, сгорая от стыда, чувствуя себя преступницей, узнавшей то, что ей было не положено знать. На полу рядом с ее кроватью валялся номер маминого «СПИД-Инфо», читала вчера перед сном, гордилась, что родители не то что у других девочек, не скрывают ничего, даже наоборот, в шесть лет по переводной французской книжке сами все объяснили, к ужасу бабушек, так что теперь, в десять, Ксения знает про это самое вообще все. Но сегодня эта гордость, эта радость куда-то исчезли. Ей было стыдно. Ксения предпочла бы не знать, что происходило всего полчаса назад в маминой спальне. Лучше бы она не читала «СПИД-Инфо», а читала – как все девочки – какую-нибудь Александру Рипли, продолжение «Унесенных ветром», окончание истории Скарлетт О’Хары.

Ей хотелось плакать, но она запрещала себе, взрослые девочки не плачут. Ксения никогда не плачет, тем более – что тут плакать, слезами горю не поможешь, мама права, Ксения сама виновата, не нужно было приходиться не вовремя, раз уж она такая взрослая и так все хорошо понимает. И вот Ксения садится к столу, достает из портфеля учебники и начинает делать домашнее задание. Мама всегда говорила: хочется плакать – пойдешь делать уроки. Тем более – завтра контрольная, она должна получить пятерку.

Ксения идет по переходу под каменным сводом сталинского сабвея. Вдоль стены ползут по-пластунски заводные солдатики цвета хаки, стрекочут их автоматы, игрушечные, почти неслышные за шумом толпы. Солдаты ползут, словно в бреду, извиваясь всем телом, извиваясь, словно от ударов, словно в любовном экстазе, ползут, словно у них отказали ноги, ползут неведомо куда, инвалиды, продолжающие бесполезную войну, войну, что давно закончилась. Они выживут и будут ехать в металлических креслах по вагонам, собирая деньги в берет десантника, покалеченные, обезноженные, не то пьяные, не то обкуренные, Ксения будет опускать глаза в книжку, стараясь не смотреть, не запоминать, как всякий раз, когда сталкивается с болью, страданием, физическим уродством, с людьми, лишенными рук или ног, словно это – какое-то предсказание, которое может коснуться лично ее. Так когда-то пугали статьи про маньяков-убийц, садистов, извращенцев, истязавших своих партнеров, подвешивающих за вытянутые руки к крюку в потолке, покрывающих тело параллельными полосами шрамов, рубцов, синяков. Ноет до сих пор, ноет болью разлуки, что ты наделала, где еще найдешь себе такого любовника. Но – все кончено, разве ты не понимаешь – все кончено.

Ксения идет по переходу. Стучат каблуки, темный деловой костюм, зимняя куртка. Худая рука чуть придерживает сумку на плече. Идет по переходу метро. Двадцать три года, хорошая работа, отличные перспективы. Идет по переходу.

6

Там, где была когда-то Ксенина комната, теперь мамин кабинет. На столе, где она много лет делала уроки, стоит компьютер. На полке, где сидел розовый заяц, стоят словари. Каждый раз приходя сюда, Ксения чувствует горечь – и не то чтобы ей хотелось оставить все как было. Может быть, Ксении хочется, чтобы квартира, где прошло детство, помнила о ней чуть подольше. Ксении кажется: ее вещи пропали так легко, потому что сама она была только случайностью в жизни мамы, той, кого так просто забыть. Она никогда не сознается в этих подозрениях даже себе: конечно, ведь она знает, как мама любит ее, не зря же мама все детство говорила о своей любви, именно о любви к ней, Ксении. О любви к Леве не было сказано ни слова, она как бы сама собой подразумевалась, не была темой для обсуждения. Почти все, что касалось Левы, подразумевалось само собой – но с раннего детства Ксения помнит мамин голос, рассказывающий о том, как много мама делала для нее, для Ксении: отказалась от поездки в Лондон, когда Ксении было полгода, ночей не спала, когда Ксения болела, столько лет не разводилась с папой, терпела его пьяных друзей, недельные командировки на объекты, возвращения домой за полночь, когда надо было сдавать очередную *компьютерную программу*, все ради того, чтобы у дочери был отец, какой-никакой, хотя это даже и отцом назвать сложно. *Ты дочь-то сколько раз в неделю видишь?* доносилось из соседней комнаты, *совсем уже ничего знать не хочешь, кроме своей работы, хоть бы денег зарабатывал нормально! если бы не Ксенька, давно бы развелась с тобой*. Накрыв голову, старалась ничего не слышать, но подушка – плохая защита от всепроникающего маминого голоса, громкого, резкого, такого любимого. Ксения лежала, закрыв глаза, заткнув уши, запеленав себя в одеяло, стараясь не слышать этих слов, этих криков – и так же лежала другими ночами, когда папа был в командировке, а к маме приходили гости, пили вино на кухне, смеялись в коридоре. Мама заходила поцеловать на ночь, красивая, в туфлях на каблуках, пахнущая духами и вином, и Ксения засыпала, окруженная этими запахами и тихим смехом, доносившимся из-за полуприкрытой двери. Потом просыпалась ночью, накрывала голову подушкой, старалась не слышать тяжелых маминых вздохов, вдруг раздававшихся в тишине, вздохов, переходивших в глубокий, пугающий крик. Однажды она спросила Леву, почему мама кричит по ночам, а Лева только усмехнулся, сказал «маленькая еще такие вопросы задавать», и Ксения покраснела, потому что во французской книжке про вздохи и крики ничего не было, а Лева легонько хлопнул ее по попе и повел играть в Сару Коннор и Терминатора.

Это была их любимая игра. Сначала Ксения должна была качать пресс на детском спорткомплексе, а потом Лева появлялся из прихожей, с игрушечным помповым ружьем в руках, крича *I'll be back!* и Ксения с криком «Это он, это он, я знала, он придет!» бросалась бежать, а Лева преследовал ее по всей квартире. Юбка на детских коленках трепетала от страха, Ксения бежала, бежала, до тех пор, пока Лева не зажимал в угол, не стискивал в кулаке оба запястья и не говорил: «Успокойся, Сара, я пришел тебя спасти». Родители не любили эту игру – может, потому, что однажды во время рейда по коридорам мнимого сумасшедшего дома Ксения (Линда Гамильтон) и Лева (Арнольд Шварценеггер) задели провод видеомэгагнитофона, стоявшего на стареньком «Рубине», и видик рухнул прямо на пол. К счастью, ничего с ним не случилось, только треснула серебристая пластмасса. Даже символично, сказал папа, в Терминатора играли, видеомэгагнитофон уронили. С тех пор их любимая игра стала запретной, и от того – еще более любимой. Когда родителей не было дома, Ксения опять и опять бегала по квартире, задыхаясь от страха, усталости, от ожидания сильных Левиных рук, хруста в запястьях и спокойного голоса, говорившего на пике ужаса: «Успокойся, я пришел тебя спасти».

В коридоре, где Лева некогда преследовал Ксению, стоит тетя Мила, маленькая брюнетка, с Ксению ростом, может, даже ниже. Привстав на цыпочки, она целуется с Валерой (или Вадимом? Ксения не помнит), мужем не то тети Светы, не то тети Леры, не то – сначала одной, потом другой. Они не обращают на Ксению внимания, может быть, слишком увлечены своим занятием, а может – привыкли к тому, что это всего-навсего Машина дочка, еще совсем девочка. Забавно, так похожа на Машу, только совсем не красивая.

Сегодня мама одета в зеленое платье, которое привезла из Америки, когда Ксении было пятнадцать. Она целует дочь в щеку, и на секунду возвращается полузабытый запах духов и вина.

– Видишь, я не опоздала, – говорит Ксения.

– Могла бы, между прочим, захватить домой переодеться, – отвечает мама. – У меня праздник, а ты пришла, как на работу.

– Извини, пожалуйста, – Ксения опускает голову, – я как-то не подумала...

– Ну, ладно, чего уж там. – Мама легонько тычет ее в бок. – Иди на кухню, помоги Свете с салатами.

Уже выпили за хозяйку, за именинницу, за нашу красавицу Машеньку, за этот дом, за любовь, конечно, да, за любовь. Мама никогда не накрывала больших столов, как на праздниках в бабушкином доме. Ей нравилось слово «фуршет», хотя она все равно готовила несколько смен блюд: закуски, салаты, горячее, а потом чай с пирогом. Мама прекрасно готовила, так хорошо, что Ксения даже не надеялась достичь подобного совершенства. Наверное, поэтому сейчас, отмечая свои дни рождения, Ксения попросту покупала готовую еду или приглашала всех в кафе или клуб: выходило ненамного дороже, зато не надо было утром убирать. Но мама! Мама была прирожденный повар. Папа так всегда и говорил: если переводчики станут никому не нужны, Машенька сможет устроиться в ресторан. Он говорил это всякий раз, когда у них собирались гости, и однажды тетя Леля, Славина жена, не выдержала и после папиной тирады прибавила «официанткой». Мама выбежала из комнаты, хлопнув дверью, а папа побежал извиняться и больше уже никогда не говорил про ресторан, а тетя Леля, красивая, полная блондинка, продолжала появляться на больших праздниках вместе со Славой, молча кривила губы в углу и ждала момента, когда можно будет капнуть яду. Это раздражало Ксению, и однажды, когда ей было уже пятнадцать, она все-таки сказала тете Леле – они резали вместе салаты на кухне: «А вы ведь не любите мою маму!» Леля пожалала белыми плечами под свободной полупрозрачной блузкой и ответила: «Мне ее, собственно, особенно не за что любить. Ничего хорошего твоя мама мне не сделала», – и в этот момент нож соскользнул у Ксении в руке, она вскрикнула, кровь брызнула в тарелку, салат был испорчен. На крик прибежала мама, схватила Ксению за руку, поднесла порезанный палец к накрашенным, цвета Ксениной крови, губам, несколько раз поцеловала, крикнула куда-то вглубь квартиры: «Лера, принеси аптечку!» – усадила Ксению к себе на колени и гладила, гладила по голове, пока тетя Лера и тетя Света заклеивали пластырем ранку, с осуждением глядя на Лелю, которая деловито выкинула салат в ведро и начала резать заново. Ксения не плакала, но ей было обидно и стыдно, не из-за пальца, а потому что несколько минут назад, всего на секунду, подумала, что маму в самом деле не за что любить – как будто любят за что-то, а не за то, что это мама, самая лучшая на свете, единственная, кто любит ее, Ксению, самая красивая, самая сексуальная, самая добрая.

Леля уже давно развелась, вышла замуж за какого-то немца из представительства Siemens и больше не приходила на праздники. Слава по-прежнему бывал на всех днях рождения, но, глядя на него сегодня, Ксения впервые подумала, что он старше мамы на пять лет, совсем старый, борода почти седая, лысина во всю голову, лицо в морщинах. Он как-то быстро напился и что-то горячо доказывал на кухне другим гостям, которых Ксения уже не всех помнила по именам. Они говорили о взрывах в Москве, о Березовском, ФСБ и Зака-

еве и, не будь это мамины друзья, Ксения добавила бы свои два цента, объяснив, как все это делается, как медиа создает события и раздувает конспирологические теории, призванные в равной степени обнажить правду и затенить ее. Как ни крути, из всех собравшихся здесь она единственная имела прямое отношение к масс-медиа, хотя гости, наверное, и не знали этого, потому что мама обычно говорила просто «моя девочка чем-то занимается в Интернете»: успехи Ксении меркли на фоне блистательной карьеры, которая ждала Леву: после третьего курса уехал в Америку и внезапно из физика превратился в бизнесмена, с MBA и невообразимой годовой зарплатой.

И вот они говорят о Березовском, Закаеве и ФСБ, Слава, который никогда не хотел, чтобы его звали «дядя Слава», Вадим (или Валера), целовавшийся с тетей Милой, дядя Коля, который никогда не возражал против дяди и любил щекотать маленькую Ксению, а когда ей исполнилось пятнадцать, полюбил еще и целовать при встрече, прижимая к себе так, что однажды ей пришлось сказать «не надо» тем голосом, который уже тогда действовал на мужчин – без различия возраста и степени близости. Когда Ксения выросла, это «не надо» успешно заменяло ей стоп-слово, о котором так много писали на BDSM-сайтах, потому что от этого «не надо» самые отъявленные доминанты, мужчины, любящие, чтобы девушка подползала к ним на коленях, низко опустив голову и обнажив грудь, покорно подавая стек или лопатку, так вот, от этого «не надо» даже они останавливались без всяких предварительных договоренностей о стоп-слове. Неудивительно, что дядю Колю от Ксениных слов отбросило, будто она ударила его, ударила одним из тех ката, которым ее безуспешно учил в свое время Лева. С тех пор дядя Коля был подчеркнута вежлив, но все равно провожал глазами, когда Ксения проходила по комнате.

И вот они говорят о Закаеве, Березовском и ФСБ, а мама входит на кухню в своем зеленом платье, на высоких каблуках, с губами цвета Ксениной крови, в облаке духов и вина, входит на кухню, смотрит на них, уже совсем разошедшихся, кричащих друг на друга, будто от их слов хоть что-то изменится в этом мире, будто электрички и дома перестанут взрываться, солдаты перестанут насиловать и убивать, пули будут проходить через плоть, не причиняя вреда, как луч света через облако пыли; федералы и чеченцы вдруг перестанут делать деньги на этой войне, и боль превратится в чистую радость, счастье и любовь. Мама глядит на них, умиленно улыбается и произносит: «Какие же вы, мальчики, темпераментные... и вообще... что-то у вас есть общее, и я даже знаю – что», и потом бросает тот самый взгляд, который Ксения так хорошо помнит еще с детских лет, взгляд, предвещающий ночные вздохи, смотрит, улыбается умиленно и произносит эти слова так громко, что, наверное, слышно ее подругам в соседней комнате, бывшим или нынешним женам этих седых мальчиков, подругам, которые сами прекрасно понимают, что общего у всех этих мужчин, собравшихся здесь сегодня, что объединяет их помимо темперамента, запаха алкоголя, кризиса середины жизни, скорой старости и неизбежной смерти.

Ксения выходит из кухни, открывает дверь в свою – бывшую свою – комнату, свет погашен, но фонарь как всегда сияет в окне, и в его призрачных лучах она видит тетю Милу, привставшую на цыпочки и увлеченно целующуюся... с кем? Какая разница, эти люди знают друг друга столько лет, что, наверное, уже не раз переспали попарно, а может, по трое или четверо. Ксения закрывает дверь, в большой комнате громкие голоса, на кухне Закаев, Березовский и ФСБ, в спальню она не решается войти, не потому, что еще действует детский запрет, а просто – было бы неловко увидеть двух пятидесятилетних людей, занимающихся любовью в постели, навсегда оставшейся для Ксении родительской, хотя отец не ночует здесь уже много лет. Но все равно, кто бы там ни был, это будет первичная сцена, думает Ксения. Оля как раз в прошлом месяце дообъяснила ей все про психоанализ, детские травмы и Эдипов комплекс – все, что не запомнилось из статей в «СПИД-инфо», прочитанных еще в те времена, когда родительская спальня в самом деле была родительской.

Ксения проходит по коридору, шум голосов, Леонард Коэн из комнаты, дядя Коля идет навстречу, раскрывая объятия, и Ксения на мгновение сжимается от страха, потому что вдруг ясно видит, как ее правая рука входит ему в солнечное сплетение. Видение это столь явственно, что Ксения отступает на шаг, и вовремя, потому что в объятия дяде Коле уже падает Света, вышедшая из комнаты со стопкой тарелок в руках. Верхняя тарелка падает и разбивается, Ксения юркает в ванную и запирает за собой дверь.

От отвращения, отчаяния и возбуждения ее колотит. На веревке болтаются бельевые прищепки, она выбирает зеленую и красную, потом садится на край ванны, спустив трусы и юбку. Внизу живота перекачивается теплый ком, она задирает рубашку, расстегивает бюстгальтер, закусив губу, чтобы не крикнуть, прикрепляет прищепки на соски, сначала красную, потом зеленую, закрывает слезящиеся от боли глаза, правую руку на клитор, пальцы левой – во влагалище и начинает мастурбировать.

В эти минуты она может ни о чем не думать. Она забывает про маму и отца, забывает про редакцию «Вечера.ру», забывает про Сашу, забывает свое одиночество – и наконец боль и наслаждение догоняют друг друга, сливаясь.

Все еще в темноте опущенных век Ксения разжимает прищепки, освобожденные соски отзываются резкой вспышкой, последней волной по всему телу, во рту солоноватый вкус, кажется, она все-таки прокусила губу. Потом Ксения открывает глаза и смотрит на знакомый с детства расчерченный мелкими кафельными квадратиками пол ванной. Темная юбка, черные трусы, две прищепки, красная и зеленая, сегодняшний «Московский Комсомолец», раскрытый на странице происшествий, смазанная фотография, крупный заголовок: «Московский маньяк убивает снова».

7

Я хорошо помню, как это случилось в первый раз. Как я понял, что скоро убью.

Был вечер, я мастурбировал в душе. Струи воды стекали по коже, мой член казался мне огромным. Он разбух, словно вся кровь мира прилила к нему, в этот вечер, когда я впервые понял.

Мне всегда было трудно кончить быстро. Разве что когда я дрочил мальчишкой, по вечерам у себя в кровати, дождавшись, пока заснет младший брат. Я представлял себе римских патрициев, сотнями насилующих своих рабынь, или варваров, на вздыбленных конях врывающихся в Рим, бесчестить и убивать. Я думаю, не я один представлял себе такое: нагота была доступна только в виде античных статуй, секс был табуирован и казалось невозможным, что женщины могут заниматься им добровольно. Потому я представлял себе индейцев, в пустыне Дальнего Запада стоящих вокруг фургона и срывающих одежду с несовершеннолетних дочерей седовласого патриарха с библейским именем. Вождь с богородным профилем Гойко Митича говорил своему заместителю – или как это называется у индейцев? – «я изнасилую младшую, а ты их мать. Потом мы поменяемся».

Я не знал других глаголов. В моих фантазиях они никогда не говорили «выебу» – это слово казалось мне вульгарным, а слово «трахаться» я впервые услышал, когда мне было уже девятнадцать, в переводе фильма Русса Майерса «Faster, Pussycat, Kill, Kill!». Герои моих фантазий не еблись и не трахались. Они предпочитали насиловать и даже бесчестить. «Я обещаю младшую, а ты их мать. Потом мы поменяемся». Я был книжный мальчик, ничего не поделатъ – мне всегда не хватало слов. Хотя я был мальчик с богатым воображением, вы помните.

Секс был табуирован и даже само слово казалось почти матерным. В годы моей юности его писали на стенах рядом со словом «хуй» – тоже три буквы, но латинские. Трудно было поверить, что это слово существует в русском языке.

Потом я вырос, узнал нужные слова и тепло живых женских тел. Меня считали хорошим любовником, думали: я забочусь, чтобы девушке было хорошо и потому не кончаю подольше. В годы моей молодости это ценилось. Я в самом деле долго не кончаю, но вовсе не потому, что меня так уж заботит удовольствие той, что, закрыв глаза, по-звериному стонет где-то внизу. Просто чтобы кончить, мне надо представить, как нож разрезает кожу, как кровь льется из раны, а отрезанный сосок падает на окровавленный пол. Представить содранные скальпы, кол, пронзающий человека от ануса до горла, маленьких девочек, с еще крошечными грудями, плачущих, коленапреклоненных, с отрезанными руками.

Вся кровь мира, да, вся кровь мира.

Представлять такое вообще не очень приятно – а особенно когда рядом с тобой лежит женщина, которую ты любишь. И поэтому я занимался любовью долго, сопротивляясь до последнего, и лишь когда совсем уже уставал, давал волю воображению. Когда уставал или когда становилось слишком скучно. Тогда я кончал быстро, за ту же минуту-другую, что мои сверстники, которых считали скорострелками.

В тот вечер я был один дома. Я стоял, мастурбируя в душе, струи воды лились по моей коже, а струя спермы, нет, струя спермы все не спешила. По большому счету это смешная картина: взрослый мужчина, который дрочит так долго, что уже начинает уставать. Знаете, как в анекдоте: «смените руку», сказал доктор. Я и сменил, и даже не раз. Струи воды лились по моей коже, мой член казался мне огромным, перед закрытыми глазами, сменяя друг друга, проносились все фантазии, что когда-либо вызывали у меня оргазм. Но ничего не выходило.

По большому счету, это смешная картина. Но мне было совсем не смешно. Я устал и сел на край ванны, глядя на свой член, все еще возбужденный, с огромной красной голов-

кой, к которой, казалось, прилила вся кровь мира. С раннего детства я догадывался, что за мир меня окружает. Мне даже не было нужды смотреть телевизор, я знал и так. Хотя я помню, как диктор воскресной политической программы объяснял, что каждые 15 минут в Америке происходит одно изнасилование. Воскресная политическая программа, откормленный боров, выездная советская сволочь. Каждые пятнадцать минут. В одной только Америке.

Мои родители сидели рядом со мной, смотрели на тот же экран, слышали те же слова. Ни один мускул не дрогнул на их лицах, будто это их не касалось, будто они не могли представить – как это так, каждые пятнадцать минут женщина плачет и вырывается, слезы и отчаяние в ее глазах, крик застревает под потной ладонью. Я еще не знал, сколько времени нужно на одно изнасилование, но понимал, что как только затихает один насильник, принимается за дело следующий – в другом конце страны, с другой женщиной. Вы можете мне не верить, но я чувствовал, что это имеет отношение ко всем нам, а не только к идеологической борьбе, противостоянию двух систем и телевизионной пропаганде.

Мне было 14 лет, я уже мастурбировал, представляя себе южных плантаторов, секущих розгами черных рабынь, – но в этот момент я не думал о своих фантазиях, я не испытывал возбуждения, ведь я не испытывал его, когда в новостях рассказывали о трудовых лагерях в Кампучии, а в «Семнадцати мгновениях весны» крутили нацистскую хронику, где самосвалы сгребали в кучу обтянутые кожей концлагерные скелетики. Я не испытывал возбуждения – мне просто казалось: я услышал нечто, имеющее прямое отношение к моей жизни.

Мне было 14 лет, это была моя жизнь, и она осталась моей. Я сидел на краю ванны, мой член казался мне огромным, и я понимал, что должен как-то рассказать о том мире, в котором живу с тех пор, как помню себя. Я был книжный мальчик, но мне всегда не хватало слов. Может быть, потому, что я слишком часто видел их на бумаге.

Это неуютный мир, мир, где нет места надежде, мир, где смерть неизбежна, а страдание – повседневно и непереносимо. Это мир, где в Руанде головы детей складывают в пирамиды, чтобы их легче было считать, мир, где в Москве тридцатилетний мужчина сидит на краю ванны и плачет от того, что не может кончить, не может кончить, даже представляя себе, как лоскут за лоскутом сдирает кожу с пятнадцатилетней девушки, умоляющей о пощаде, с девушки, у которой больше нет слез, потому что ей выкололи глаза.

Он плачет именно потому, что эта картина – единственное, что его возбуждает.

8

Если бы Леша Рокотов не родился в 1975 году, он ни за что бы не стал журналистом. Появись он на свет парой лет раньше, быть бы ему программистом, а лет на пять позже – финансистом или юристом. Однако тогда, в Лешины пятнадцать лет, вся страна не знала профессии лучше журналистской. Каждый день – «Шестьсот секунд» по ленинградской программе, каждую пятницу – «Взгляд» по первой, каждую субботу – «Огонек» в почтовом ящике. Каждую неделю журналисты совершали маленькую революцию, открывая народу глаза на зверства коммунак и ничтожество совка. Несокрушимый колосс шатался от криков «а король-то голый!» – и смелые карикатуры в газетах казались предчувствием грядущей победы.

Одну из картинок Леша хорошо запомнил. Два муравья стояли над раздавленным товарищем, огромная нога исчезала в небе, и один говорил: «Знаешь, скоро от них кое-что придумают». Подошва, реющая над головами муравьев, казалась Леше ногой глиняного колосса, страх перед ней – игрушечным, питаемым только государственной ложью. И не было профессии лучше той, что могла сокрушить эту ложь, – и потому Леша Рокотов стал готовиться к поступлению на журфак, надеясь через пять лет терний достичь небесных высот, где горели недосыгаемые звезды Любимова, Невзорова и Коротича. Именно этой мечтой он подстегивал себя первые два курса, а потом заметил: мечта как-то потускнела. Не то изменились бывшие кумиры, не то сам Леша начал подозревать: мир меняется без особой связи с тем, что пишут в газетах. Он был у Белого дома в августе 1991—го и даже отксерил у подавшегося в коммерсанты приятеля несколько листовок Верховного Совета. Вероятно, Леша с приятелем ошиблись либо с тиражом, либо со временем – к тому моменту, когда, поборов страх, они стали раздавать воззвания, листовки уже устарели, и настала пора печатать новые. Сотня листовок еще долго лежала у Лешы в комнате, словно пророчество о тех временах, когда главным вопросом прессы будет не «как напечатать?», а «как распространить?».

Когда Леша был на втором курсе, в Москве случилась маленькая гражданская война. На этот раз в толпе зевак он наблюдал танковый обстрел здания, которое защищал два года назад, и в одиночку бродил по московским улицам, пытаясь понять, что происходит. И лишь когда в метре от него упал человек, убитый не то шальной пулей, не то выстрелом снайпера, Леша догадался, что антитеза лжи – не слова, которые пишут в газетах, а свежий морозный запах и тошнота, подкатывающая к горлу при виде мозга, вытекающего на асфальт.

Он понял, что больше никогда уже не сможет говорить об опасности коммунистического реванша или о правильном курсе экономических реформ – также как раньше знал, что никогда не сможет писать в «День» или «Правду»: одним словом, к концу октября Леша Рокотов вообще с трудом понимал, чем бы он мог заниматься.

Из всего, что он читал, только полоса «Искусство» газеты «Сегодня» нравилась ему – и он подумал, что надо начать писать о книжках, кино и выставках. Для пробы он вызвался сделать репортаж о проходившей в Третьяковке конференции «Постмодернизм и национальные культуры». Редактор студенческой газеты, которой Леша обещал статью, сказал, что надо постараться взять интервью у Чарльза Дженкса, знаменитого архитектора. О его существовании Леша впервые услышал за два часа до начала конференции, времени идти в библиотеку не было, но, вопреки опасениям, интервью прошло отлично. Дженкс предложил план реконструкции сожженного Белого дома: синий фасад, красные разводы на месте следов гари и белый верх как символ примирения. Удивленный цинизмом заезжей звезды, Леша даже не спросил архитектора, понимает ли он, что это – цвета российского триколора. Дженкс говорил: если Белый дом вновь станет белым – значит, решено сделать вид, будто ничего не произошло. Эти слова Леша вспоминал много раз – особенно общаясь со сво-

ими коллегами, повторявшими магические формулы про рынок и свободную конкуренцию. Когда-то в конце восьмидесятых он сам верил в эти заклинания, но теперь они звучали по меньшей мере странно: становилось все яснее, что та система, которая возникает в России, имеет весьма отдаленное отношение к теориям Адама Смита или Джона М. Кейнса. Почему-то Леша вспоминал старую карикатуру про муравьев, и она уже не казалась смешной. Белый дом опять побелел, а огромная подошва по-прежнему нависала, загораживая собою полнеба. Дженкс был прав: ничего не произошло.

Леша все чаще задумывался о том, что в большинстве своем люди не хотят, чтобы им открывали глаза. Они готовы забыть о страшном прошлом ради спокойной жизни. В этом была своя зрелая мудрость, недоступная Лешиной молодости. Теперь перестройка казалась ему кратким мигмом истины, когда население одной шестой земного шара вдруг оказалось лицом к лицу с ничтожеством и ужасом человеческого существования. Но миг этот был краток: люди охотно списали ничтожество и ужас на кровавый советский режим и сделали вид, что все это их никак не касается. Они были слишком заняты: они учились лучше подмахивать нынешней власти – подобно тому, как их родители подмахивали коммунистам двадцать и тридцать лет назад.

Больше про культуру Леше так и не пришлось писать – зато на конференции в Третьяковке он встретил рыжеволосую Оксану, старшекурсницу РГГУ, охотно объяснившую все то, что он не понял из докладов. Днем позже она продолжила обучение в квартире на Вавилова, оставшейся в ее распоряжении на две недели, пока родители читали лекции где-то на Восточном побережье США. Конечно, Оксана не была его первой женщиной, но впервые Леша оказался в постели с девушкой, способной не просто отдаться, а увлечь за собой в такие края, где судьбы народовластия и свободы слова казались сущей ерундой – хотя бы потому, что свобода там не нуждалась в словах, а власть принадлежала только Оксане: ибо только она и знала туда дорогу.

Они поженились через полгода, и Леша быстро привык думать о себе «мы». К окончанию Университета это «мы» складывалось уже из трех частей – подобно триединству российского флага. Маленькая Даша заставляла по-иному взглянуть на вопрос о том, в каких изданиях молодой журналист Рокотов хотел бы печататься. Приближались выборы, и Алексей понимал, что лучшего времени для заработка не будет еще долго. К тому же, как бы там ни было, он предпочитал Ельцина Зюганову – и, согласившись принять участие в региональном ответвлении молодежной программы «Голосуй, а то проиграешь!», Алексей даже не слишком грешил против совести. Впервые за долгие годы у него появилось по-настоящему много денег – и это чувство было столь пьянящим, что на мгновение Алексей поверил: его действительно ждет блестящее будущее.

Сейчас, спустя почти восемь лет, он понимал, что ошибся. Все главные события, сокрушавшие рынок масс-медиа, прошли мимо него: так получалось, что во время битвы за «Связьинвест», противостояния Примакова и Ельцина, выборов Путина и закрытия оппозиционных телеканалов он оказывался равно далек и от большой политики, и от больших денег. Сейчас он занимал скромную репортерскую должность в незначительной онлайн-газете, даже не входившей в первую десятку Рамблера. Его начальница моложе его как раз на те пять лет, что он впустую потратил на учебу в Университете.

Полгода назад, став главным редактором отдела новостей, Ксения Ионова поставила Алексея и его коллег в известность о том, что условия их работы меняются. Теперь они должны приходиться к 10 утра, сдавать строго оговоренное количество материалов в неделю и, кроме того, общаться в форумах со своими читателями. Женька Золотов попробовал возразить ей, мол, Ксюша, никто в IT-редакциях не приходит раньше 12 часов, ни в «Ленте», ни в «Газете», нам-то зачем? Ксения ледяным тоном сказала, что, когда они обгонят «Ленту» и «Газету», тогда тоже будут приходиться к двенадцати. Если же Евгений Андреевич любит

спать по утрам, он может прекрасно сотрудничать с «Вечером» в качестве фрилансера. Я уж как-нибудь сам решу, буркнул Женька и ошибся, потому что теперь все решала Ксения: через неделю Золотов был уволен, в очередной раз придя в офис к полудню.

– Я ценю то, что вы пишете, – сказала Ксения, – и мне жаль, что нам не удалось работать в одной редакции. Но я по-прежнему буду рада опубликовать ваши материалы. Если хотите, мы можем обсудить вопрос о гонорарах.

Женькины статьи действительно время от времени появлялись на сайте «Вечера.ру», и, может, Золотов даже не слишком потерял в деньгах. К тому же победительниц не судят: через три месяца популярность раздела новостей выросла в два раза и, хотя «Вечер.ру» по-прежнему оставался изданием второго эшелона, Алексей и его коллеги вскоре начали уважать эту худощавую девушку с большими, как у героинь манга, глазами и ледяным, как у Снежной Королевы, голосом.

Вот она сидит напротив него в местном кафетерии, лед в голосе почти растаял, помещивает сахар в чашечке, улыбается, напоминает обычную студентку-старшекурсницу, почти такую же, как Оксана десять лет назад.

– Это хорошее интервью, – говорит Ксения, – жалко только, что он не хочет назвать свое имя.

– Боится, – отвечает Алексей, – но в случае чего у меня есть запись.

– Да нет, просто анонимный источник внушает читателю меньше доверия. – Она отпивает кофе из старой, еще общепитовской, чашки. – А он точно не хочет назваться?

– Никак, – говорит Алексей. – Тут же еще и профессиональная этика. Он как бы не имеет права обсуждать действия своих коллег.

Анонимный следователь Московской прокуратуры под диктофон размышляет о том, в самом ли деле все убийства, приписываемые московскому маньяку, совершены одним человеком. Ксения опускает взлохмаченную голову к распечатке:

«У этих убийств, о которых в последнее время так много шума, на самом деле не так уж много общего. Жертвы – девушки и женщины от 15 до 40 лет, как правило, изнасилованные, хотя в ряде случаев трудно об этом что-то сказать, потому что их половые органы вырезаны, выжжены или залиты кипятком. Почти во всех случаях – следы многочасовых пыток, порезы, ожоги, раны, а вот синяков почти нет. Все эти случаи объединяет то, что трупы специально привезены туда, где их легко найти. Возможно, убийца хочет, чтобы его поймали, это частый случай. Знаменитый Уильям Хейнс из Чикаго даже писал над телами своих жертв: „Ради бога, поймайте меня до того, как я убью снова!“ Однако в каждом конкретном случае нельзя быть стопроцентно уверенным в мотивации: может быть, убийца дразнит милицию или наслаждается шумом, который поднимают газеты. Но если мы вернемся к...»

– Интересно, почему все так любят говорить, что пресса, когда пишет про такие дела, провоцирует серийников? – раздраженно говорит Ксения. – Можно подумать, Чикатило был media star. Да и вообще, насколько я помню, в Советском Союзе хватало маньяков, и все о них знали, хотя газеты ничего и не писали.

– Ага, – кивает Алексей, – мне родители рассказывали про Мосгаза.

– Про кого? – спрашивает Ксения, и Алексей удивляется: пять лет – большой срок. Совсем другое поколение, не застали советской власти, о маньяках узнавали из «Молчания ягнят». Объясняет:

– Ну, он звонил в дверь, говорил «Мосгаз», хозяйева открывали, а он рубил их топором. Был еще анекдот. Муж подходит к двери: «Кто там?» – «Мосгаз». – «Заходите, заходите. Топор в ванной, теща на кухне».

Ксения улыбается и говорит:

– А поймали его, когда он пришел в дом, где уже были электроплиты.

Странные шутки, думает Алексей, и, поймав на себе недоуменный взгляд, Ксения поясняет:

– У меня никогда не было газовой плиты. Чего бы я стала открывать, услышав «Мосгаз». Для меня это так же странно, как открыть дверь на слова «Мосгорканал» или «Транс-сиб».

Ставит пустую чашку, тянется к десерту. Худые, сильные руки, обкусанные ногти, некрасиво, да, следила бы за собой – была бы куда как секси. Звонок в дверь, Мосгорканал, Ксения на пороге, маньяк в дверях. Интересно, помог бы ей ледяной тон и железная выдержка?

«... Но если мы вернемся к вопросу, один ли убийца стоит за всеми этими преступлениями, – читает она дальше, – то демонстративность преступника может ввести нас в заблуждение: ведь после того, как ваши коллеги написали об этом, любой убийца сможет подделать почерк маньяка. Достаточно легко подбросить труп в людное место, и все спишут на серийного убийцу. Мне кажется, наша пресса немного поторопилась поднимать панику по этому поводу»

– Интересная логика, – говорит Ксения, – не надо поднимать паники, потому что, может быть, в Москве не один маньяк, а несколько. Удивительные люди все-таки живут с нами в одном городе.

– Ну, необязательно убийца – маньяк, – заступает за своего собеседника Алексей, – может быть, это бытовое убийство, которое убийца маскирует под серийное.

– Бытовое убийство с вырезанными половыми органами и следами пыток, – говорит Ксения, вытирая пальцы салфеткой. – Я и говорю: удивительные люди живут с нами в одном городе.

Алексей кивает, и, не удержавшись, спрашивает:

– Но интервью-то – хорошее?

Вот ведь, думает он, полгода назад сам бы удивился, если бы мне сказали, что мне будет важно мнение этой девчонки. Может, и сейчас неважно: я всего лишь спрашиваю мнение начальника о новом материале. Так принято.

– Хорошее, хорошее, – кивает Ксения, – но это уже десятое интервью на эту тему. Все правильно, все хорошо, но что заставит читателя, ну, не знаю, запомнить его, что ли? Отличить от дюжины других?

– Конечно, – говорит Алексей, – было бы лучше, если бы мы поймали убийцу. Но такое только в голливудском кино бывает.

– Нет, – отвечает Ксения, вставая, – ловить убийцу – это не наше дело. Но мне не дает покоя мысль: можно придумать что-то еще, как-то по-настоящему поднять эту тему.

Пять лет разницы, да уж. По-настоящему поднять эту тему. Будто на дворе – конец восьмидесятых, когда поднятые темы хоть кого-то интересовали.

– Вот еще, – говорит Ксения, – я хотела тебя спросить, ну, не по работе. Ты ничего не знаешь про такого человека? – и она называет фамилию и имя.

– Зачем тебе? – спрашивает Алексей.

– Не мне, – говорит Ксения, – просто подруга просила. Думает, идти ли к нему работать или не надо.

Ксения еще раз повторяет фамилию и имя, а Алексей качает головой и говорит:

– Нет, в первый раз слышу. Но могу в Гугле посмотреть.

– В Гугле я уже смотрела, – отвечает Ксения и протягивает ему листочки с интервью. – Ты подумай все-таки, что еще из этого маньяка можно выжать.

Алексей думает, что когда-то он бы ухватился за эту возможность. Прекрасное начало для голливудского фильма. Независимое журналистское расследование. Но последние годы он уже не рассчитывает ни на славу, ни на удовлетворение от работы. Может, зря он когда-то

пошел на журфак? Стал бы лучше программистом или адвокатом на худой конец. Нормальные человеческие профессии.

9

Темнота зимних московских вечеров. Разноцветный килим на полу. Однокомнатная квартира за 250 долларов. Матовый экран монитора, черный экран телевизора. Ксения, с ногами забравшись в единственное кресло, грызет ногти. Сидеть дома одной, не думать о Саше, смотреть телевизор, читать книжки, серфить по сети. Все не так, все валится из рук, все неправильно: купленные у метро дешевые DVD зависают, фильмы скучны и манерны, словно какие-нибудь «Игры Рипли», кто такое только смотрят, скажите на милость, вышедший на прошлой неделе последний Мураками уже прочитан и больше не радует. Сидеть дома одной, вспоминать Сашу, задумчиво стоять над открытым ящиком, мастурбировать, до синяков перетянув себе грудь, подвесив грузики на соски. Кончать быстро, но чувствовать все ту же пустоту внутри. Сидеть дома одной, не думать о Саше, вспоминать Сашу, стоять с длинной швейной иглой в руках, прикидывая, куда ее лучше воткнуть. Плохой признак, ты это знаешь, плохой: еще немного, и дело дойдет до порезов.

Отложи иглу; вспомни лучше, как все началось. Ты только что окончила десятый класс, а мама собралась отдыхать в Грецию, вроде как с тетей Милой, но на самом деле – с ее очередным мужем. До этого долго жаловалась, мол, денег совсем нет, отец толком не платит алименты, придется заниматься, а потом полгода работать без выходных, тупые договора, юридические документы, переводческая барщина.

Так оставайся дома, сказала Ксения в припадке подростковой злости, и в ответ услышала про бессердечие, эгоизм и черствость. Мне голову некуда преклонить в собственном доме, кричала мама, я буду умирать, мне стакана воды не подадут. Я все для тебя делаю, а ты не хочешь отпустить меня отдохнуть на две недели! У Лены дочка уже зарабатывает, одна ты у меня на шее.

Ленина дочка была старше Ксении на три года, но это было неважно. Ксения закусила губу и сказала, что устроится летом на работу, и маме не придется работать всю осень без выходных. Когда Ксения сообщила об этом отцу, тот попытался возмутиться, даже позвонил матери, но та как отрезала: «Это очень хорошо, пусть девочка приучается к финансовой самостоятельности. А то вырастет такая же неудачница, как ты».

Это был последний довод во всех спорах – и он надежно блокировал все папины попытки вмешиваться в воспитание дочери. Ксения помнила, как в пятом классе, сразу после их развода, мама сказала, что надо лучше учиться и потому – нечего больше три раза в неделю ходить в танцевальную студию. Ксения любила танцевать: ей казалось, когда она танцует, она взрослеет, становится такой же красивой, как мама – в туфлях на высоком каблуке, в облаке духов и вина – да и папа всегда приходил на выступления, восхищался, говорил *ты у меня красавица*, но в пятом классе все закончилось. Ксения сидела в своей комнате, делала уроки, чтобы не плакать, а на кухне папа, пришедший на выходные повидать дочь, что-то пытался объяснить маме, а та повторяла только: «Если девочка будет заниматься такой ерундой, она вырастет неудачницей, как ты».

Вот и в этот раз, она сказала отцу: «Это хорошо, пусть приучается к самостоятельности», а самой Ксении – что она, конечно, молодец, но вообще-то в этом нет никакой нужды, деньги в семье и так есть, *если ты это из-за меня, то не надо*.

– Нет, что ты, мама, – сказала Ксения, – просто я считаю, что мне пора уже начать зарабатывать.

На каникулах Ксения вместе с Маринкой устроились курьерами по объявлению. Работы было немного: забирать корреспонденцию в нескольких фирмах и развозить по указанным адресам. На это, правда, уходил почти весь день, но зато обещали заплатить сто дол-

ларов. За лето набежало бы три сотни, не так, чтобы много, но вполне приличная сумма, чтобы она не чувствовала себя нахлебницей.

Мама уехала 25 июня, а на следующий день Маринка позвонила и сказала, что на работу не выйдет, мол, заболела. Ксения спросила, что с ней, та ответила, что простыла, и Ксения начала собираться, хотя ей не понравился Маринкин тон. Уже в дверях ее застал телефонный звонок: плачущая Маринка призналась, что накануне вечером человек, которому она сдавала лист заказов, ее изнасиловал.

– Я пришла вечером, – всхлипывала Марина, – в офисе уже никого не было, только он. Я прошла за ним в кабинет, как всегда, он предложил чаю, и я согласилась, потому что попала под дождь и замерзла. Он плеснул чуть-чуть коньяку, а потом стал приставать ко мне, ну, и...

– Так ты сама ему дала или он тебя изнасиловал? – спросила Ксения.

– Не знаю, – ответила Марина, – я говорила «я не хочу». В Америке это бы считалось изнасилованием.

– И что ты будешь делать? – спросила Ксения. – Пойдешь в милицию?

– Нет, что ты! Больше не приду к ним, и все.

– А как же деньги? Тебе же еще ничего не заплатили. Не тупи, Маринка!

– Ну, значит, не будет денег, – всхлинула Марина, – я туда больше не пойду. И вообще, перестань меня парить, – сказала она и добавила после паузы: – Он сказал мне, что я могу звать его Димочкой.

Почему-то именно в этот момент у Ксении потемнело в глазах от ярости. «Димочка» задел ее больше изнасилования, больше того, что Маринка была готова отказаться от денег, только чтобы не ходить туда. Ксения знала эти вспышки ярости – из-за них одноклассники считали ее бешеной и боялись дразнить еще в начальной школе. Но сейчас Ксения напоминала себе слова Левиного сэнсея: не следует позволять негативным эмоциям полностью подчинять себя, надо направить их, полностью вложив в удар. И вот теперь всю дорогу она несла свою ярость, как стакан с водой, стараясь не расплескать. Перед ее глазами стояла картина: мерзкий Димочка сдирает одежду с Марины, ее матовая кожа светится в полумраке евро-ремонтного кабинета, светлые волосы страдальческим ореолом вздымаются вокруг головы. Картинка была смутной – не потому, что Ксения толком не помнила Димочкиного лица, а потому, что яростный туман мешал разглядеть детали.

В офисе Ксения как всегда взяла лист заказов и корреспонденцию, и только потом ледяным голосом спросила, у себя ли генеральный директор. Димочка, невысокий, лысоватый мужчина средних лет, удивленно посмотрел на нее сквозь очки и спросил, зачем ей генеральный. Мне надо, сказала Ксения так, что он тут же провел ее через весь офис к приемной.

– Галочка, – сказал он секретарше, – вот девочка-курьер хочет поговорить с Аркадием Павловичем, я уж не знаю о чем.

– Аркадий Павлович занят, – сказала Галочка, не отрывая глаз от монитора.

– Я на минуту, – сказала Ксения и открыла дверь в кабинет.

Через пять минут Димочка, заливаясь краской, стоял перед генеральным. Губы его тряслись, глаза под стеклами очков набухали слезами.

– Она сама... – пролепетал он.

– Мудак, – прошипел Аркадий Павлович, – она же несовершеннолетняя! Это же статья! Даже если она сама!

Ксения рассчитала все правильно: люди старшего поколения не знали, что такое возраст согласия.

– Мы готовы заплатить компенсацию, – сказал Аркадий Павлович, – я вычту у него из зарплаты столько, сколько вы сочтете нужным.

– Я не уверена, что готова говорить о компенсации, – сказала Ксения. – Когда девушка берет деньги за то, что мужчина занимался с нею сексом, это больше напоминает

проституцию, чем компенсацию. Я бы хотела только, чтобы моя коллега получила то, что заработала. По возможности не заходя в офис.

Через десять минут Ксения выходила из офиса с сотней долларов Марининой зарплаты.

– Вот видишь, – сказала она подруге, – ты даже на три дня меньше меня отработала.

Впрочем, следующий день оказался последним рабочим днем и для самой Ксении. Первый же клиент, к которому она пришла, заметил, что пакет вскрыт. Внутри не было ничего, кроме одного письма – а ему должны были принести еще и небольшую сумму денег. Долларов триста пятьдесят, ничего серьезного, сейчас все выясним, сказал он растерянной Ксении, набирая номер конторы. Разумеется, Димочка клялся, что дал Ксении целый конверт и деньги лежали внутри. В том же кабинете генерального начальника взял у Ксении реванш.

– Они начинают с шантажа, а переходят к воровству, – сказал он.

Даже если Аркадий Павлович понимал, что произошло, он не считал нужным ничего сделать. Сошлись на компромиссе: они считают, что Ксения потеряла деньги, поэтому они тоже не будут обращаться в милицию (Димочка не сдержал улыбки при слове «тоже»), не будут также просить Ксению компенсировать потери, понимая, что она еще девочка и денег у нее толком нет, мы же не звери какие-нибудь, правда, Ксюша? Но, разумеется, о дальнейшей работе не может быть и речи, так же как и о зарплате за июнь.

Ксения понимала, что ее подставили. Взрослые богатые люди показали девочке ее место. Еще бы! Какая-то шмакодявка будет качать тут права! Вот тебе права, вот тебе триста пятьдесят у. е., вот тебе наша неземная доброта, мы *тоже* не будем обращаться в милицию! На всю жизнь Ксения запомнила этот урок: нельзя позволить себе расслабляться даже на самой простой работе. Доверять можно только самым близким друзьям.

Сухими глазами она весь вечер смотрела в телевизор, повторяла *слезами горю не поможешь*. Плакать, как говорит мама, это признать себя беспомощной, признать свое поражение, а ты должна бороться. Да, девочки не плачут, надо что-то придумать, повторяла Ксения, но все равно не сказала Маринке, что ее уволили, не заплатив денег. Не потому, что боялась ее сочувствия – просто Маринка предложила бы поделить деньги на двоих, а брать у нее Ксения не хотела. Достаточно того, что Маринку изнасиловали. Ксения ничего не сказала, даже когда Марина позвонила и призналась, что с первого июля решила снова выйти на работу, потому что Димочка позвонил и извинился, пообещав, что больше подобного не повторится. Впрочем, Маринкин голос знакомо вибрировал от возбуждения, и Ксения подумала, что нечто подобное вполне может и повториться. В конце концов, сказала Марина, это было даже интересно, у меня еще никогда не было мужчин настолько старше меня. Ну и ладно, сказала себе Ксения. Значит, я была дура. Значит, не надо было во все это лезть. Сами бы разобрались. Она немного обиделась на Маринку, но обида эта была слабой, чувствовалась как сквозь войлок или, точнее, сквозь кокон, все туже обволакивающий Ксению.

Сидеть дома одной, не думать о Маринке, смотреть телевизор, читать книжки. Все не так, все валится из рук, все неправильно: ты сама виновата, во всем сама виновата. Месяц потратила зря. Денег не заработала и, похоже, не заработаешь. Полезла спасать Марину, которая сама прекрасно справилась. Забыла, что должна думать прежде всего – о маме. Что скажешь, когда мама вернется из Греции? Сутками не открывать занавесок, не переодеваться, не выходить на улицу, в одной майке слоняться по квартире, курить найденную в мамином столе траву, плавать в обжигающе горячей ванне, пить черный кофе и чувствовать, что квартира наполнена серыми нитями паутины... опутывают тело, свиваются в кокон, катышками тащатся по паркету, словно ядро каторжника. Ты никогда ничего не достигнешь. Ты не можешь работать даже курьером. Ты ни на что не годишься.

Ты пробовала мастурбировать, но это помогало ненадолго. Тогда ты еще обходилась без дополнительных приспособлений, хватало фантазий. С детства нравилось вообра-

жать себя принцессой, похищенной жестокими разбойниками, или юной леди, проданной в гарем султану. Вычурность этих картин стала немного раздражать с возрастом, так что постепенно декорации потеряли свое величие, и все свелось к взаимодействию двух-трех тел, веревок, кляпа и кнута. Воображаемая мука лучше мыслей о том, что скажет мама, когда наконец вернется: боль и стыд те же, что и наяву, но в темных подземельях фантазий из них, словно в алхимической реторте, выплавлялось наслаждение. Оно накатывало теплой волной и отступало, оставив на прибрежном берегу обрывки мыслей, осколки образов, отчаяние столь плотное, что, кажется, его можно потрогать еще влажными пальцами.

Отчаяние? Нет, не отчаяние – тоска, концентрированная тоска, удушье, неумолчный шум в ушах, ток собственной крови, тьма, тьма, темное облако виснет на складках одежды, цепляется за выпуклости лица, за прилипшие ко лбу волосы, за обкусанные пальцы.

Однажды утром ты проснулась в луже крови. Подумала было, что началась менструация, но тут же поняла, что, засыпая, взяла в кровать нож и изрезала внутреннюю поверхность бедер. Ты ничего не помнила, ни в этот раз, ни в другие. По счастью, порезы были неглубокие, нож не задел ни одной вены, но ты испугалась.

Надо было сделать хотя бы что-то – и ты заставила себя выйти на улицу. В газетном киоске ты купила «Мегаполис-экспресс» и случайная статья подсказала тебе ответ на вопрос «как быть?». Ты позвонила Маринке и уже через неделю познакомилась со своим первым любовником-доминантом. Его звали Никита – и тело до сих пор отзывается на это имя, хотя прошло уже восемь лет, Никита далеко, а все остальные товарищи по играм тоже не могут утешить. Ты убираешь в шкаф свои игрушки и говоришь, что завтра обязательно после работы пойдешь куда-нибудь в гости, просто чтобы не сидеть дома одной. Пойдешь в гости, там напьешься, вернешься – и сразу уснешь.

Хорошо бы сходить к Оле, думаешь ты, хорошо бы обняться перед телевизором, ни о чем не думать, смотреть «Реальную любовь» или еще какую мелодраму. Оля любит мелодрамы, как ты любишь итальянские фильмы ужасов. Хорошая идея, но ничего не получится – у Влада завтра день рождения, Оля обещала помочь, приготовить, убрать, помыть посуду. Взрослая женщина, а до сих пор не может отказать брату. Впрочем, да, ты тоже не отказала бы Леве, если бы он о чем-нибудь попросил. Жаль, это трудно сделать из Америки. Эй, Лева, хочешь я приеду к тебе в Нью-Джерси, помою посуду?

Да, Лева уехал, Никита уехал, Вика уехала, сколько других сгинули неведомо куда, а Маринка осталась. Ксения нет-нет да вспомнит тот давний случай, фальшивое изнасилование, детские обиды. Нет, на Маринку нельзя долго обижаться. В конце концов, одни девушки не могут сказать «нет», когда речь идет о сексе, другие любят, чтобы их били до крови – у всех нас странные вкусы, чего уж тут. Так что хватит сидеть, обхватив колени: возьми трубку, набери Маринкин номер. На что еще нужны старые подруги, если к ним нельзя пойти, когда тебя накрыло?

Алле, алле, говорит Ксения, попробуй только скажи, что как раз завтра вечером ты занята.

10

– Посмотри, правда, красиво? – и Марина приспускает майку с плеча.

У Марины красивая майка: любовник привез из Калифорнии, ручная, говорит, работа, делают бывшие старые хиппи, то есть просто хиппи, потому что бывшие хиппи все стали яппи, все стали ви-ай-пи, все стали си-и-оу. Майка в разноцветных разводах, говорят, кислотный стиль, Ксения впрочем, никогда не пробовала кислоты, она вообще не употребляет наркотиков, если не считать кофе, травы и чая. Она не пробовала кислоты, но знает слово «кислотный» и знает, что Марина любит это слово, хотя тоже, кажется, никогда не пробовала кислоты, впрочем, с Мариной ни в чем нельзя быть уверенным. На стенах висят кислотные картинки, монитор на барном стуле посреди комнаты показывает кислотные узоры, почти такие же, как майка ручной работы, которую подарил Марине ее калифорнийский любовник, такие узоры, что не надо никакой кислоты, говорит Марина и выдыхает сладкий дым.

В самом деле, красивая майка. Нетрудно заторчать с такой майки, что с косяком, что без косяка. А вот в офис в такой майке не придешь, это точно. Но Маринке не надо ходить в офис, у нее нет подчиненных, нет начальства, зато есть майка ручной работы, которую привез любовник из Калифорнии.

И вот она приспускает эту майку с плеча, посмотри, говорит, правда, красиво, посмотри, мне же самой не видно, скажи мне, как он там? Не так чтобы очень красиво, если честно: на матовой молочной коже расплывается большое красное пятно, облаком укрывая очертания татуированного дракона.

– Вау, – говорит Ксения, – просто супер. Но у тебя же раньше там бабочка была, куда ты ее дела?

Марина прячет плечо обратно под красивую майку, встряхивает соломенными волосами, смахивает пепел, – ой, как я давно не курила, – и улыбается:

– У меня была бабочка, но я забила ее драконом. Он вылупился из бабочки, как бабочка из куколки, понимаешь?

Конечно, чего ж тут не понять. Дракон из бабочки, бабочка из куколки, куколка из коробки.

– Помнишь, у Вики была первая в классе кукла Барби, кукла из розовой коробки, за безумные деньги из-за границы?

– Конечно, помню, – говорит Марина, – первую Барби не забыть, как первого мужчину. Ксения смеется:

– У тебя-то уж точно мужчин было побольше, чем кукол.

– Прикинь, я была такая глупая, – говорит Марина, – такая дура, я так хотела девочку, чтобы ей достались мои куклы, а теперь я понимаю, что мальчик – это куда лучше, посмотри на него, ты только посмотри, всего девять месяцев, а уже видно – настоящий мужик, маленький китайский мандаринчик, апельсинчик мой, солнышко мое ненаглядное.

Подхватывает Глеба на руки, целует в маленький носик, в узкие глазки, в лопухие ай-ты-мой-слоник ушки.

– Ма-ма! – говорит Глеб и снова уползает.

У Марины нет мебели, если не считать большого матраса в дальнем конце комнаты и барного стула, на котором светится монитор. Когда-то Марина называла это кибернетическим алтарем, и Ксения предпочитала не думать, какие обряды справлялись перед ним по ночам. И вот сейчас они сидят прямо на полу, на ковре, мохнатом и огромном, как шкура белого медведя, того самого, на котором и стоит наш мир – по преданиям северных народов, неведомых этнографам. Или, может быть, по этим преданиям, весь мир и есть спина огромного белого медведя, и мы ползаем в его шерсти, словно маленький Глеб по огром-

ному ковру в однокомнатной квартире матери, которая сидит тут же, вместе со своей самой старой и верной подругой. На Марине красивая майка, ручная работа, любовник из Калифорнии, а Ксения как обычно в деловом костюме, при параде, в полной выкладке, боевой раскраске, властные губы, большие глаза, полчаса перед зеркалом по утрам. Когда Марина ходила в офис, она все равно не носила деловых костюмов, она была дизайнер, творческая девушка, почти богема, предпочитала этнический стиль, мужчинам это нравилось, ей это шло – впрочем, при чем тут стиль? Она всегда нравилась мужчинам, длинноногая, с ореолом светлых волос вокруг головы, с неизменной улыбкой, которую одни называли блядской, а другие – невинной.

– Эж тебя колбасит, – говорит Ксения. – А помнишь, что ты говорила, когда была беременна? Что мальчик – это враг внутри, как Intel Inside, можно даже логотип на живот вешать. Потому что мужчины и женщины – это два разных вида, а не самцы и самки homo sapiens.

– Прикинь, я была такая глупая, – говорит Марина, – такая дура, я так хотела девочку, я так разозлилась из-за этой беременности, так тормозила, помнишь?

Как уж такое забыть, конечно. Неделя японского кино в Москве, свободный вход, полный зал народа, драка за места, плохо различимые субтитры, чья-то голова загораживает пол-экрана, Марина вежливо просит пригнуться, а потом бесцеремонно пригибает голову рукой, *чего он тупит, по-русски, что ли, не понимает?* А когда зажигается свет, видит, что да, не понимает, раскосые глаза, желтоватая кожа, ой, как неудобно. Марина говорит «аригато», надеясь, что в японском одно вежливое слово заменяет другое, мужчина смеется и говорит по-английски, что он не японец, хотя у него есть друзья японцы, с которыми он должен был встретиться тут, но вот, видимо, они не пришли, а сам он мало что понял, честно говоря, японский язык и русские субтитры – почти без шансов. Может быть, девушка, которая так хорошо говорит по-английски, расскажет ему, что же все-таки произошло?

Марина рассказала, и они выпили за дружбу народов в ближайшем ресторане, а потом поймали такси, целовались на заднем сиденье, и Марине, уже немного пьяной, было ужасно интересно, потому что у нее никогда еще не было азиатских мужчин. А это правда, что азиаты умеют такое, ну, ты понимаешь, ну, в смысле в постели? *The Asians much better do it on the mat than in the bed. What is the mat?* Показывает рукой себе под ноги, на резиновый коврик, а, блин, на циновке, из рисовой соломы, *right?*

Найти ночью в Москве циновку все-таки не удалось, поэтому они попробовали и на кровати, и на коврике, а потом Марина посмотрела на часы и внезапно вспомнила, что утром ей должен звонить любовник из Калифорнии, тот самый, который потом подарит ей красивую майку, ручной работы, с кислотным узором, в которую она одета прямо сейчас. Прямо сейчас – это когда с той ночи прошло восемнадцать месяцев, как нетрудно подсчитать, зная возраст ребенка и среднюю продолжительность беременности у самок вида homo sapiens – если, конечно, по-прежнему верить в существование такого вида.

А год назад, таким же зимним депрессивным вечером, Марина так же сидела на полу, скрестив ноги, натянув майку на круглый живот, и говорила, что мальчик – это враг внутри, да еще и китаец какой-то вдобавок, как и его папаша.

– Почему ты ему не позвонила? – спрашивала тогда Ксения.

– А у меня нет его телефона, – отвечала Марина, – я ему свой оставила, а его не взяла. То есть он мне его написал, а я его забыла на столе на кухне, потому что тормозила утром, еще бы, мы ведь такую работу с ним сделали, целого ребенка, часа четыре трудились, взмокли оба.

– Как же ты не предохранялась?

– Прикинь, я была такая глупая, – говорила Марина, – такая дура, я предохранялась два первых раза, а потом презервативы кончились, и у него уже не так хорошо стояло, и я сказала а давай так, потому что мне очень хотелось, и к тому же я слышала, что вероятность

забеременеть от третьей эякуляции подряд гораздо меньше. И вообще я собиралась с утра принять постинол, но дома затормозила, свалилась и уснула, а потом все забыла, я вообще все забыла, даже его телефон на кухонном столе, но я бы все равно не стала звонить, раз он не позвонил, мало ли, что я забеременела, самой надо было думать, ведь правда?

– Хорошо еще, что он здоровый оказался, – говорила Ксения, – а то была бы ты сейчас не беременная, а ВИЧ-инфицированная.

– Не надо, не надо меня парить, я же тебе не говорю, что какой-нибудь твой садист-любовник тебя когда-нибудь запросто прирежет.

– Это ты не говоришь? Да я от тебя это каждый раз слышу!

– А ты зато можешь меня теперь пугать, что я умру от родов.

– Вот еще, и не подумаю. Ты родишь прекрасного младенца, здорового и крепкого.

Год назад они так говорили, и так оно все и получилось, вот и младенец, здоровый и крепкий, ползает по белому ковру, как по спине белой медведицы, конечно же, медведицы, а не медведя, потому что это мамин ковер, мамина комната, мамина квартира, мамин маленький китайчонок, мандаринчик, апельсинчик, кто у нас такой вкусненький? Я потому и набила себе дракона, говорит Марина, чтобы Восток был, раз уж у меня китайский сын, я сама теперь немного китайка, правда? А красное пятно – не переживай, оно пройдет к лету, а сейчас все равно, кроме тебя, показывать некому.

Вау, говорит Ксения, что значит некому? А куда ты растеряла всех своих мужиков, любовников со всех концов земного шара, всех возрастов и цветов кожи, с которыми тебе интересно, потому что ты никогда раньше таких не пробовала? Неужели ты исчерпала все комбинации, неужели у тебя были все, кого только можно вообразить, даже столетний афроамериканец с примесью эскимосской крови, плод недолгого пребывания на Аляске в канун Первой мировой войны батальона морской пехоты, как их там зовут по-английски – морские котики? Белые медведи? Смейся, смейся, отвечает Марина, я нашла главного мужчину моей жизни, посмотри только на него, только полюбуйся, он самый лучший и самый красивый на Земле, посмотри на его лицо, посмотри на его яйца, посмотри на его член – ни у одного мужчины я не видела таких красивых яиц и такого красивого члена. А я, ты знаешь, многое повидала.

В самом деле – многих повидала, я знаю. И неужели устал смотреть зрачок, потускнел глазной хрусталик, погас взгляд? Где та Марина, с которой нельзя было прийти в гости, потому что она тут же начинала высматривать, кого бы утащить трахаться в ванную? Где та Марина, которая, когда не могла заснуть, начинала считать своих любовников, как другие считают овец или слонов, и всякий раз засыпала, так и не добравшись до конца? Где та Марина, которая все знала о сексуальных пристрастиях любого мужчины в Москве и странах, прилегающих к Шереметьево-2? Где та Марина, которая в пятнадцать лет познакомила меня с Никитой, узнав, что я – в Теме? Где та Марина, которую я так любила, что ради нее хотела бы стать мужчиной на одну-единственную ночь?

Она сидит на полу, поджав под себя ноги, в майке ручной работы, от любовника из Калифорнии, и кислотный узор на ткани – как сияние, что исходит от ее живота, и кислотный узор на мониторе – как благословение кибернетических богов, и маленький Глеб ползает рядом, как божественный эскимосский младенец по спине Великой Матери Медведицы.

11

Вот проходит время жизни, думает Оля, вот проходит время, мне уже тридцать пять лет. Восемь лет назад я приехала в Москву из Питера, год назад купила себе квартиру. Восемь минус один будет семь, семь лет по чужим углам, из них два года – в одной квартире с Владом и всей кодлой его вечно меняющихся друзей. Значит, семь минус два – пять. Пять лет одиночества, пять лет сама себе хозяйка. Пять плюс один будет шесть. Значит, все-таки шесть лет, потому что когда в своей квартире – тоже одна, с этим числом ничего не поделает, как ни верти.

Числа – это моя специальность, думает Оля и затягивается сигаретой из длинного мундштука. Откуда у филологической девочки из интеллигентной питерской семьи такая любовь к цифрам? Может, все дело в шахматах? У меня все-таки был когда-то второй разряд. Я неплохо умела считать варианты. Черные и белые клетки, латинские буквы по горизонтали, числа по вертикали.

Числа – это моя специальность. Я начинала бухгалтером, я была IT-менеджером, вот уже три года как я – исполнительный директор, совладелица небольшой компании. Финансовые потоки мало отличаются от компьютерных сетей, цифры складываются в числа, числа строятся в колонны, колонны собираются в таблицы, единицы и нули маршируют по проводам, превращаясь на выходе в картинку, слово или другую цифру. Все это называется финансовая отчетность; все это называется Интернет. Место, где финансы встречают Интернет – это и есть та точка, где я нахожусь.

Та точка, где я нахожусь сейчас физически, называется «Ямки и поваляться». Здесь самый дешевый японский ланч в Москве, 149 рублей. Числа – это моя специальность, они не оставляют меня даже за обедом. Ксюше двадцать три года, мне – тридцать пять, значит, она моложе меня на двенадцать лет. Если бы я забеременела сразу после первой менструации, моей дочери как раз было бы столько. Мне бы хотелось, чтобы она сейчас походила на Ксюшу. Если бы это, конечно, была дочь, а не сын. Она бы называла меня «мама», а я бы гладила ее по головке и говорила *что ты, Ксюшенька, все будет хорошо, ты же знаешь, я люблю тебя*. Я бы гладила ее по растрепанным черным волосам, потому что это очень нужно, чтобы кто-то тебя любил.

Когда мне было двадцать три года, я этого еще не понимала. Мне казалось, в мире есть множество других, куда более важных вещей, чем любовь одной женщины к другой. Например, любовь мужчины к женщине или женщины к мужчине. Впрочем, Влад уже тогда преподавал мне урок, объяснив, что любовь мужчины к мужчине тоже много чего стоит. Влад старше меня на пять лет. Двадцать три плюс пять это двадцать восемь. Он вышел из шкафа в двадцать пять, значит, уже три года я знала, что мой брат – гомосексуалист. С двадцати, значит, лет.

Мне бы хотелось, чтобы у меня была такая дочь, как Ксюша, но это невозможно. Впервые я переспала с мужчиной в двадцать два. От растерянности и любви я не предохранялась, так что, если бы я забеременела тогда, моей дочери было бы двенадцать лет. Как раз столько, сколько было мне тогда, когда родилась Ксюша.

Вот проходит время жизни, думает Оля, проходит время. Гриша и Костя не разговаривают больше, а сегодня утром мне прислали счет за рекламу, которую крутили на сайтах Гришиного холдинга, и этот счет не понравился мне. Цифры – моя специальность и мне не надо поднимать документы за прошлый месяц, чтобы заметить, что с ними что-то не так. После обеда я вернусь в офис и позвоню Грише, спрошу его, что случилось, куда пропали все внутренние скидки, разве мой магазин больше не входит в его холдинг – и буду готова услышать, что нет, что до тех пор, пока 37,5% акций принадлежит Косте, мой магазин не входит

в холдинг и, значит, будет платить как все. Мы будем платить как все. То есть я буду платить как все. Я заранее знаю, что я это услышу. Цифры – моя специальность, и потому я знаю, что скажут мне люди, которые пишут эти цифры. Зная цифры, я знаю людей. Но не всех.

Я спрашивала Ксюшу на той неделе, просила узнать про Этого Человека, Большого Инвестора, но Ксюша ничего не говорит, словно забыла или не смогла узнать, и я вдруг понимаю, что мне трудно заговорить об этом снова. Я смотрю на нее, темные круги под глазами, обкусанные почти до мяса ногти. Бедная Ксюша, что с тобой происходит? Что я буду лезть к тебе со своими делами? Я уж как-нибудь справлюсь сама. Как-нибудь.

Потому что у каждой из нас бывают моменты, когда понимаешь – в мире вокруг что-то не так. И все твои силы уходят на то, чтобы не плакать на людях. И тут уже каждый держится как может.

Цифры – моя специальность, цифры успокаивают меня. Мой дочери было бы сейчас столько, сколько было мне тогда, когда родилась Ксюша – и это значит, что Ксюша каким-то хитрым образом хоть на мгновение оказывается моей дочерью.

Вот проходит время жизни, думает Оля, проходит время. Вчера Владу исполнилось сорок, был большой день рождения...

Я поехала с ним в «Ашан», говорит она, поехала, как он меня попросил, купила столько, что нам выбили чек длиной метр шестьдесят сантиметров, загрузили машину по самое не могу, отвезли все к нему домой. Я же очень хорошая сестра, Ксюша, ты знаешь. Я все приготовила, накрыла на стол, и тут стали приходить гости, его гости, ты понимаешь, богема, завсегдатаи Мих'а, театральные звезды, диджеи, виджеи, не знаю даже кто, тридцать восемь человек, даже больше, чем Влад рассчитывал. Тридцать восемь плюс два, значит сорок, как раз по числу лет, странно, правда? И все эти тридцать восемь человек смотрели сквозь меня, нет, все тридцать девять, потому что Влад меня тоже не замечал. И это при том, что с кем-то из них я жила в свое время в одной квартире! Правда, честно говоря, я уже тоже не помню – с кем. И ты не подумай, что там были одни голубые, нет, и обычные мужчины, некоторые даже с подругами, но все они смотрели сквозь меня, словно я была официанткой в дорогом ресторане. Будто меня было тоже тридцать девять человек, и я стояла у каждого столового прибора неподвижной статуей. Понимаешь, как мне было обидно?

Вчера вечером я вышла на балкон, продуваемый сквозь щели холодным декабрьским ветром, сделала вид, что хочу покурить, достала мобильный и набрала Ксюшин номер. Конечно, я помню его наизусть, цифры – это моя специальность, но он забит у меня под номером «2», потому что «1» – это телефон Олега, а телефон Влада – это «3», хотя все эти номера я помню и так, у меня хорошая память на цифры, что неудивительно, при моей-то специальности. Ты была временно недоступна, Ксюша, и поэтому я не буду сейчас рассказывать тебе о том, как стояла на холодном застекленном балконе, прижавшись лбом к раме и всхлипывая от обиды. Мне бы хотелось, чтобы кто-то положил мне руку на плечо, погладил по голове и сказал *что ты, Оленька, все будет хорошо, ты же знаешь*, но между нами было двенадцать лет разницы и сколько-то километров морозного воздуха, промерзшего бетона, московской почвы, напичканной, словно именинный пирог, трубами водопровода, подземными коммуникациями, телефонными кабелями и оптоволоконном Интернета, по которому бегут нули и единицы, превращаясь на выходе в картинки, буквы и другие числа.

Все наши силы уходят на то, чтобы не плакать на людях. Я вытерла слезы и вернулась на кухню мыть посуду. Влад попросил меня, он с детства не любит, бывают же хозяйственные геи, а мне вот не повезло. Я вернулась на кухню мыть посуду, а сейчас, сидя за низким столиком в «Ямки и поваляться», я ничего не рассказываю Ксюше о том, как набирала ее номер на холодном декабрьском балконе, а только спрашиваю *Почему Влад так со мной обращается? Может, дело в том, что он – голубой?*

Ксюша смеется, отодвигает мисо, тянется палочками к суши. Послушай, Оля, говорит она, не будь хотя бы ты гомофобкой. Мы все знаем кучу пидоров, которые совершенно нормально общаются с женщинами, самым что ни на есть прекрасным образом. А твой брат, твой брат – обычный хам, ты уж меня прости. Талантливый режиссер, светский персонаж, кто угодно – но все равно: обычный хам доминантного типа, так что прекрати на пидоров тянуть, они отличные ребята. И все неправда, что они боятся женщин, это ты боишься мужчин, потому что иначе не позволяла бы им вытирать о себя ноги.

Интересно, если бы у меня родился сын, он был бы геем? Я знаю, что это не передается по наследству, особенно через дядю по материнской линии, но, может быть, дурной пример заразителен. Ой, что я сказала, почему дурной? Ксюша права, как стыдно. Просто – другой. Другой пример заразителен. Вот так политкорректней, это точно.

Словно прочитав мои мысли, Ксюша смеется и говорит, что политкорректность тут ни при чем – она узнала о существовании гомосексуалистов примерно в том же возрасте, когда узнала, как трахаются мужчины и женщины, и примерно из того же источника.

Если бы она была моей дочерью, она бы не провела свое детство, читая «СПИД-инфо»: ведь и расставшись с девственностью, я по-прежнему считала эту газету чудовищной пошлостью и гадостью, да, честно говоря, и сейчас так считаю. Если бы Ксюша была моей дочерью, я бы не давала ей читать всякую мерзость, зато научила бы любить стихи.

Мама всегда любила стихи, да и сейчас любит. Интеллигентная ленинградская семья, папа – бывший военный, мама – преподаватель немецкого. Папа всегда посмеивался над ней, говорил, что лучше бы научилась готовить, чем спрягать немецкие глаголы. Папа умер три года назад, а мама... мама в Питере, и стихи, которые она любит, почему-то уже не нравятся мне, как когда-то. Я редко звоню ей. Хорошо, что Влад не забывает звонить. Наверное, он все-таки лучший сын, чем я дочь – несмотря на его беспорядочную жизнь и бесконечно меняющихся партнеров.

Понимаешь, говорит Оля, он же единственная семья, которая у меня есть. Папа умер, мама в Питере, и, честно говоря, я не знаю, о чем с ней разговаривать. Она все выпрашивает меня, не собираюсь ли я завести ребеночка, тем более теперь, когда у меня есть квартира в Москве. Будто я могу завести ребеночка от квартиры. Скажем, от электрического провода или телефонного шнура.

Оля видит, как при этих словах Ксюша улыбается и ее темные глаза становятся еще темнее, будто внутри открывается тоннель, куда проваливаются Олины слова, чтобы превратиться в образы или воспоминания, так же, как нули и единицы превращаются в картинки или буквы. Оля предпочитает не знать, что лежит на дне этих колодцев, какие еще применения для телефонного шнура или электрического провода знает ее подруга, и поэтому еще раз повторяет: «Понимаешь, он – моя единственная семья».

Ксюша дрожащей рукой наливает себе зеленый чай, делает торопливый глоток, словно у нее пересохло в горле, и голосом гулким, словно кричишь в колодец, говорит:

– Просто не надо позволять с собой так обращаться.

– Он мой брат, – говорит Оля, – он всегда обращался со мной так, ты же знаешь, с самого детства.

– Это потому, что ты не мазохистка, – говорит Ксюша. – Если бы раз в неделю ты позволила себя связать и выпороть тем же самым телефонным шнуром, то оставшиеся шесть дней ты бы никому не давала вытирать о себя ноги.

Интересно, думает Оля, когда она говорит *вытирать о себя ноги*, она в самом деле имеет это в виду? На секунду она представляет обнаженную Ксюшу, лежащую на спине, и чей-то ботинок, вытирающий подметку о напряженные соски. Вот же мерзость, прости господи, содрогается Оля и тоже отпивает зеленого чая, словно у нее пересохло в горле.

Она боится боли, она любит Ксюшу, и ей неприятно думать, что кто-то может сделать Ксюше больно.

Шесть дней, говорит Ксюша, но Оля тут же пересчитывает в часы, потому что порка, пусть даже самая долгая и разнообразная, это всего несколько часов, три, пускай пять. И, значит, мы должны вычесть эти пять часов из 24 на 7.

Двадцать четыре на семь, объясняла мне Ксюша когда-то, это тип контракта. Когда субмиссивный партнер, условно говоря – «саб», «раб», предоставляет себя в распоряжение доминантного партнера (условно говоря, «хозяина», «Господина») на 24 часа в день 7 дней в неделю. Таких контрактов мне не приходилось составлять, потому что моя специальность, хоть и связана с цифрами, находится там, где финансы встречают Интернет, а вовсе не там, где боль встречает наслаждение. И из той точки, где нахожусь я, эту вторую точку, где время от времени оказывается Ксюша, мне совсем не видно, да, честно говоря, мне страшно смотреть в ту сторону, страшно и неприятно.

Интересно, думает Оля, затягиваясь сигаретой из длинного мундштука, если бы Ксюша была моей дочерью, она могла бы учить меня жизни так, как она это делает сейчас? Уговаривать меня ходить с ней вместе танцевать буги-вуги в клуб на Кропоткинской? Могла бы объяснять мне какие-то вещи про секс, которые я не понимаю до сих пор, хотя старше на двенадцать лет? Но если перевести прожитые годы в мужчин, которые были у нас, боюсь, мое число окажется меньше. Так что, выходит, скорее я – Ксюшина дочь, если считать возраст по прожитым мужчинам, хотя мы никогда не проводили таких подсчетов. Чего считать, и так известно: Оля – невинная овечка, едва-едва лишившаяся девственности, а Ксюша – опытная женщина, кладезь премудрости, колодец порока.

Так что, выходит, хорошо, что Ксюша не ее дочь, хотя и не ясно, откуда бы у нее взяться другой дочери, ведь нельзя завести ребенка от собственной квартиры, даже если это квартира на метро «Университет», кредит за которую надо будет отдавать еще восемь лет. Восемь лет, вот так проходит время жизни, проходит время.

Через восемь лет у Ксюши тоже будет своя квартира, будет свой бизнес или просто хорошая работа. Маленькая взлохмаченная черная пешка, которая станет королевой на восьмой горизонтали.

Приносят счет, который Оля автоматически проверяет, хотя знает, что здесь не ошибаются. И только тогда Ксюша говорит:

– Знаешь, я хотела тебя попросить посчитать одну штуку. – Вынимает из сумки прозрачную папочку, протягивает Оле.

– Посчитать – это с радостью, – говорит Оля, – цифры – моя специальность, ты же знаешь. А что это такое, Ксюша? Информационный сайт?

– Спецпроект, – говорит Ксюша, – дополнение к нашему «Вечеру».

Вот и хорошо, говорит себе Оля, вот теперь можно и напомнить. Но только не сразу, возьми сначала папочку, посмотри, что там внутри.

– Политика? – спрашивает она. – Выборы?

Мы делаем мнимый мир, говорит себе Оля, мнимый мир из чисел, проводов и люминофора мониторов. Политика, выборы, русский Интернет, баннеропоказы, клики и трафик. Мнимый мир, ненастоящая жизнь.

– Нет, – отвечает Ксюша и качает головой так, что пряди волос колыхнутся у висков. – Нет, – отвечает она, – не политика, скорее, криминал. Я хочу сделать спецпроект про московского маньяка – мне кажется, это куда важнее, чем любые выборы.

Куда важнее, чем любые выборы, да, Ксюша так в самом деле думает, Оля об этом знает. Не жалуйся на мнимость твоего мира, сказала ей Ксюша когда-то, ты уверена, что хочешь увидеть настоящий? Я знаю способ, много раз тебе советовала. Боль не знает лжи.

Прозрачная папка лежит между ними на низком столике.

– Я завтра сделаю, хорошо? – говорит Оля, но не протягивает руки.

Ксюша кивает, и тогда Оля говорит:

– Послушай, помнишь, я просила узнать про одного человека...

– Конечно, – отвечает Ксюша, – конечно. Я смотрела в Сети, Гуглем искала – про него ничего нет.

Гуглем, думает Оля, я и сама искала. Цифры – моя специальность, а Гугль – лучшая поисковая машина в Сети, но все равно – он может найти только то, что есть в Интернете. А Тот Человек – он конспирируется, фамилия его не попадает в газеты и не упоминается на «Компромат.ру».

– Я искала Гуглем, – говорит Оля, – я думала, ты по своим каналам поищешь...

– Конечно, – отвечает Ксюша, – извини. У меня какой-то тяжелый период сейчас, я как-то замоталась. Я спрашивала, никто ничего не знает. Но я еще Пашу спрошу, когда буду с ним говорить.

– Спасибо, – отвечает Оля, – спасибо, и извини, что я тебя дергаю. Просто очень нужно – и поскорее.

Если бы она была моей дочерью, думает Оля, я бы тоже стеснялась давить на нее. Я бы тоже говорила *спасибо, извини, что я тебя дергаю*, но все равно я бы не позволила ей делать проект про убийцу, отрезающего девушкам груди и выкалывающего глаза. Но она – не моя дочь, поэтому все, что мне остается, это взять папочку и убрать в сумку.

– Это тебе спасибо, – отвечает Ксюша и поднимается.

За окном идет снег, как в японском кино.

12

Хорошо убивать зимой. Особенно если ночью был снегопад, и на земле – нежнейшее белое покрывало. Ты кладешь на него обнаженное связанное тело. Кровь из порезов лучше течет на морозе, и вместе с нею уходит тепло жизни. Если тебе повезет, и она не умрет быстро, она еще успеет увидеть, как покрывается твердой пленкой льда то, что еще недавно текло в ее венах. Красное на белом, ничего нет прекрасней этого сочетания.

Говорят, смерть от холода похожа на сон. Положить голову себе на колени, смотреть, как зрачки тускнеют, как закрываются глаза, нежно поглаживать остывающую кожу, временами будить обжигающими ударами ножа, чтобы вздрагивала от боли, на мгновение возвращаясь к жизни, ловить в глазах последние проблески сознания, тихо петь колыбельную, трогать лоб, как мама в детстве, когда ты болел, а она проверяла – нет ли жара. Спустя много лет повторять этот жест, проверять, чувствовать как с каждым разом кожа становится все холодней, будто Снежная Королева овеивает ее своим дыханием, замечать, что удары уже не вызывают содрогания. Тогда можно разрезать веревки, вынуть кляп изо рта, сесть рядом и плакать, глядя, как слезы мешаются с кровью, уже начинающей застывать.

Хорошо убивать весной. Особенно когда распускаются первые листья, и лес, на который ты смотришь из окна, покрывается нежной зеленоватой плесенью новой жизни. В такие дни хорошо нарвать свежих веток вербы, полных весенним соком, и спуститься в глубокий подвал, где распятая веревками между полом и потолком, она уже ждет тебя. Вынуть кляп, позволить ей кричать, несколько раз обойти, а потом нанести первый удар. Постепенно, вскрик за вскриком, бедра, спина, живот и грудь покроются сеткой рубцов, красноватой плесенью крови. Тогда ослабить веревки, поставить на колени, нагнуться и спросить, глядя в заплаканные глаза, как ее зовут. Очень важно знать имя девушки, чтобы окликать ее, когда она будет уходить, чтобы задержать подольше.

Говорят, в Китае бамбук растет так быстро, что, если привязать человека к земле, молодые побеги за ночь пробьются сквозь тело. Я бы хотел, чтобы весенняя трава обладала такой же силой, чтобы новая жизнь и новая смерть слились воедино, а красные капли, словно цветы, замерли на широких листьях подснежников, расцветающих в паху, на желтоватых соцветьях одуванчиков, вырастающих между грудей, уже развороченных напором горькой полыни. Чтобы она лежала еще живая среди проросших сквозь нее цветов, и ее последний вздох мешался с их весенним ароматом.

Хорошо убивать летом. Обнаженное тело естественней всего летом – естественней и беззащитней. Вбить во дворе дюжину колышков, вывести ослабевшую девушку из подвала, быстро, не дав ей опомниться, привязать, как можно шире растянув руки и ноги, не забыть как следует проверить кляп, потому что летом повсюду люди, и наверняка найдется доброхот, который, услышав крики, постучится в калитку в высоком заборе и спросит, что здесь происходит.

Я бы взял его за руку и отвел туда, где лежит девушка. Она обнажена, как на нудистском пляже. Она знает, что скоро умрет. Я бы велел ему сесть на корточки и заглянуть ей в глаза. Вот так выглядит ужас, сказал бы я ему, вот так выглядит отчаяние, сгустившееся до того, что его можно потрогать. Не бойся, протяни руку, потрогай скользкие, слезящиеся шары ее глаз. Если хочешь, я подарю один из них тебе на память.

Но если кляп вставлен хорошо, крика не будет и тебе одному придется смотреть в ее глаза и вслушиваться в содрогания струной натянутого тела, так чутко отзывающегося на каждый новый штрих, каждую завитушку узора, который ты выжигашь на коже увеличительным стеклом. Жар солнца, сгущенный до такой степени, что не может не тронуть.

Обугливается плоть, темнеют на глазах розовые бугорки сосков, клитор, уже не может спрятаться ни в зарослях сбритых волос, ни в загодя срезанном кожаном капюшоне.

На забудь вытирать пот со лба, пусть он не заливает ей глаза, пусть она видит небо, солнце и зеленые листья. Загодя приготовь влажное полотенце, вспомни, как мама лечила тебя, когда ты болел, вытри пот со лба, загляни ей в глаза, постарайся найти в них отблеск твоей детской тоски.

Хорошо убивать осенью. Кровь не видна на красных листьях, желтые листья плавают в багровых лужицах, как маленькие кораблики. Привяжи ее к дереву, вооружись стрелами для «дартс», сыграй с ней в святого Себастьяна. Помни: стрела лучше всего застревает в груди и совсем нет шанса, что она сможет воткнуться в лоб.

Если хочешь, оставь ее привязанной на ночь. Утром ты найдешь ее замерзшей, но еще живой. Отвяжи от дерева, отведи в теплый подвал, вынь кляп из разодранного неммым криком рта, дай поплакать, накорми завтраком, который сам приготовил, а потом нежно возьми, так, словно это – твоя первая брачная ночь, которой ты ждал два года. Слизывай капли крови со следов от твоих стрел, в некотором роде это тоже – стрелы Амура. Когда кончишь, свяжи ее снова, отведи во двор и повтори все с начала.

Осень – пора медленного умирания. Тут некуда спешить. Листья успеют пожухнуть, ветви деревьев обнажатся, свинцовые тучи поплывут по небу. Однажды, промозглой дождливой ночью, выйди во двор, подойди к бесчувственному телу, безнадежно повисшему на веревках, посмотри, что осталось от женщины, которую ты привел сюда месяц назад. Если тебе повезет, она переживет ежедневное распятие среди ветвей старой яблони, удары дротиков, нежную, удушающую любовь в подвале, твой шершавый язык, облизывающий свежие раны. Возьми ком разбухшей от дождя земли, размажь эту грязь по ее истерзанному телу. В такую землю всем нам лечь, раньше или позже. Посмотри на нее в последний раз, вынь кляп изо рта, понадейся, что шум ливня заглушит последние крики. Возьми нож и убей ее несколькими ударами, пока не началась зима.

Вот так выглядит мой календарь. Мои времена года. Картинки с выставки.

Я бы хотел написать такую книгу. Прекрасную и горькую книгу, где красота природы и красота смерти слились бы воедино. Жаль, я не могу этого сделать, ибо все, что я говорю, – неправда.

Когда убиваешь, не думаешь о временах года. Убивая, ты просто убиваешь. И внутри у тебя – только ужас.

Ужас и возбуждение.

13

– Сделать такой сайт – плевое дело, – пишет по ICQ Оля. – Если есть движок, тут работы на три дня, включая дизайн.

– Движок есть, – отвечает Ксюша, – на «Вечере.ру» стоит какой-то, и сюда тоже можно его поставить.

– Я не понимаю, где ты будешь брать контент? Ты экспортируешь то, что писала про этого урода Лента, а потом выложишь все интервью, которые нароешь в прессе. А дальше?

– Надо сделать этот сайт местом, куда стекается вся информация, – бодро выстукивает на клавиатуре Ксюша, – где могут напечатать свои статьи люди, которые считают себя специалистами по подобным делам.

– Экспертный сайт?

– Ну да. Экспертный сайт с мощной комьюнити-ориентированной составляющей. Система форумов, чат, блоги.

– Ты думаешь, люди пойдут?

– Конечно, пойдут.

– ОК, один раз они придут по баннерам или по ссылкам, но что заставит их вернуться? Что они будут обсуждать на форумах?

– Каков психологический портрет предполагаемого убийцы, какие подобные случаи известны из истории, каковы возможные причины... да полно всего!

– Ты идеализируешь наших пользователей. Все, что ты перечислила, – темы для экспертных статей. Простой читатель зайдет на форум только для одного: написать, что надо сделать с этим человеком, когда его поймают.

– Хорошо. Если так, мы отключим форумы. Но я думаю, что этот сайт может стать таким гейтом для того, чтобы общество говорило с властью. Милиция сможет через сайт предостерегать москвичей, люди смогут сообщать о своих подозрениях, требовать каких-то мер etc.

– Ты идеалистка :). С чего ты решила, что власть собирается говорить с обществом?

– :)) Эта власть нуждается в том, чтобы заполнить собой все возможные каналы подачи информации. Закрывать сайт они не будут, отбирать у нас – тоже. Слишком много возни – придется им давать нам интервью и писать для нас пресс-релизы. Кроме того, мы привлечем благотворительные и некоммерческие организации: помощь психологов для родственников жертв, сбор средств для тех, кому они еще могут помочь, объявления о пропавших без вести... Мой журналистский опыт подсказывает мне, что в контенте недостатка не будет :)

– ОК. Если так, то твой сайт попадет в программы новостей. И ты получаешь пять-семь тысяч уникальных пользователей ежедневно.

– Wow! Мы в десятке Рамблера! :))

– :) И тогда мы начнем продавать рекламу и делаем из этого коммерческий проект.

– Много продадим?

– Баннерами много не открутишь. А вот целевая реклама – в самом деле wow!

– А где мы ее возьмем?

– Все фитнес-клубы, где есть хоть что-то, похожее на курсы самообороны для женщин; онлайн-книжные магазины, торгующие книгами типа сто самых знаменитых убийц нашего времени; аудио и видео, вроде Murder Ballads или «Молчания ягнят». Рекламная компания любого свежего фильма о маньяке, благо они, кажется, выходят раз в месяц. Магазины, торгующие оружием для самообороны. И наверняка я еще что-то забыла.

– Это все реально?

– ИМХО – да. Ты набери материал, а клиентов я возьму на себя.

- Wow, мы наконец-то будем работать вместе!
- Как в старые добрые времена :))
- ОК, осталось только поговорить с Пашей.

Media, говорил когда-то Маршалл Маклюэн, is the message. То есть средство массовой информации важнее самой информации, говоря по-русски. Посланник и есть послание, если попытаться скаламбурить, хотя перевод, конечно, не слишком точный. Маршалл Маклюэн был канадский ученый, он занимался изучением средств коммуникации. Он давно умер и свою самую знаменитую фразу сказал про телевизор. Забавно было бы услышать, что бы он сказал, увидев Интернет. Но Маршалл Маклюэн молчит и даже не может узнать, сбылись ли его предсказания. Так, почти полвека назад, он предсказывал, что с появлением национального телевидения отомрут местные диалекты. Ну вот, прошло полвека, и что? Местные диалекты остались как были – и не только в России, но и в Америке, где телевидения куда больше. Одного этого было бы достаточно, чтобы Маршалла Маклюэна, канадского ученого, забыли навсегда. Но в нашем деле, я хорошо знаю, ценится не точность предсказания, а четкость формулировки, хлесткость идеи. Форма и есть содержание, посланник и есть послание, роза это роза это роза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.